

Виктор Ночкин
Король-демон
Серия «Мир короля Ингви»
Серия «Король-демон Ингви», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140428

Аннотация

Никогда не читайте незнакомых заклинаний! Не то рискуете очутиться в огромном зале, освещенном свечами, а человек в странной одежде назовет вас демоном и потребует, чтобы вы сказали, кому править в славном королевстве Альда. Вот и выкручивайтесь тогда, как хотите.

Книга также выходила под названием «Странные приключения Ингви, короля-демона из Харькова».

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	46
Часть 2	50
Глава 11	50
Глава 12	55
Глава 13	59
Глава 14	63
Глава 15	68
Глава 16	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Виктор Ночкин

Король-демон

*Вот это да! Вот это да!
Явилось то-не-знаю-что!
Как снег на голову сюда
Упал тайком инкогнито.
Но кто же он –
Хитрец и лгун?
Или шпион?
Или колдун?*

В.Высоцкий

Часть 1

Демон

Глава 1

В тронном зале Альхеллы, королевского дворца Альды, горело множество свечей. В центре зала, над тщательно вычерченной пентаграммой, стоял Гельда-колдун, придворный маг последнего короля Альды Манонга III, скончавшегося четыре дня тому назад и не оставившего прямых наследников.

Гельда внешне был спокоен – он знал, что сейчас десятки глаз глядят на него и он должен излучать уверенность и превосходство над простыми смертными, однако лишь усилием воли он подавлял дрожь в руках и учащенное сердцебиение. Волнение Гельды было понятно и простительно – через несколько часов ему предстояло руководить наиболее трудным, ответственным, да, пожалуй, и самым опасным ритуалом за всю его жизнь. Малейшая ошибка – и вырвавшийся на волю демон растерзает всех находящихся в зале, что равносильно гибели Альды. «Впрочем, – подумал Гельда, – тогда мне не будет никакого дела до Альды с ее странным законом престолонаследия, ибо я погибну первым... Но нет, нет... Я должен гнать такие мысли – опасаться нет причин. Я все проделаю верно и сохраню за собой пост придворного мага, а авторитет мой возрастет неимоверно...»

Время от времени Гельда-колдун делал едва заметный жест или ронял тихим голосом приказы, которые тут же с необычайным тщанием исполнялись его учениками, неслышно сновавшими по залу и заканчивавшими приготовления к предстоящему действию. В остальном маг сохранял неподвижность и спокойствие каменной статуи, что должно было помочь справиться с волнением претендентам на престол, нервно переминавшимся с ноги на ногу в углу зала и явно чувствовавшим себя не в своей тарелке. Углы рта мага дрогнули – он почувствовал некоторое удовольствие – эти важные сеньоры боятся и презирают его, но сегодня их жизни в его руках... Тут мысли мага прервались – в зале что-то изменилось, его ученики прекратили движение и замерли в почтительных позах.

– Итак, господа, – в установившейся тишине голос Гельды прозвучал особенно зловеще, – приготовления к церемонии окончены, до назначенного срока осталось два часа и я предлагаю всем покинуть зал и уединиться в покоях этого дворца. Вам надлежит вспом-

нить свою жизнь до мельчайших подробностей, заглянуть в свою душу и спросить себя – достойны ли вы трона Альды, чисты ли помыслами и стремлениями. Ежели два часа спустя кто-либо из вас не явится в тронный зал, сочтя себя недостойным – ему не будет порицания, более того – никто кроме нас не узнает об этом, а мы все поклялись молчать... Итак ступайте – через два часа жду вас здесь, я же остаюсь стеречь пентаграмму и готовиться к ритуалу.

Претенденты на престол двинулись из зала, неуверенно косясь друг на друга. Разумеется, они проведут эти два часа не в покаяниях и молитве, а в непрерывном опасении за свою жизнь и следя друг за другом. Стоит кому-либо из них хотя бы опоздать к началу церемонии и – прощай, трон Альды, а разбираться в причинах опаздания придется при новом короле... Глядя в напряженные спины дворян Гельда-колдун снова позволил себе слегка улыбнуться...

* * *

...Наконец-то я добрался домой и смогу как следует насладиться своим сокровищем... Самое главное в этом деле не спешить, а делать все медленно, смакуя каждую минуту. Я думаю, это чувство удовольствия от правильно исполняемого дела знакомо каждому коллекционеру – придя домой с добычей уединиться, отгородиться непроницаемой стеной от всего мира и достав свою коллекцию, пополнять ее, попутно просматривая всю... Тем более, что я еще не совсем потерял чувство легкого опьянения, оставшееся «после литры выпитой» с коллегами в конторе после работы. Небольшой такой забег в ширину. Вот за это я и люблю свою профессию (а тружусь я инженером в проектной конторе) – за эти посиделки после работы в приятной компании. Вот и в этот вечер все было как обычно – уютно, тихо, камерно – посидели, закусили, поругали прощелыг-начальников с их вечными гешефтами за спиной коллектива, Сергеич пересказал содержание недавно виденного фильма, попутно поругали американский кинематограф с его вечными одинаковыми сюжетами, я подкинул пару анекдотов («...а кстати, на эту тему...»). Однако в этот вечер я сидел как на иголках – мне не терпелось уединиться с моим последним приобретением – небольшим, карманного формата томиком весьма потрепанного вида 1893 года издания, озаглавленного «Доступно изложенные экзерциции магических действий тайного братства Леолланнов». Полагаю, необходимо пояснить, что коллекция моя необычна и пожалуй, не имеет аналогов – я собираю магические заклинания. Да, я прекрасно знаю, что колдовство, как правило, не действует, однако меня уже давно влечет эта захватывающая, интригующая сторона человеческого бытия. Начав интересоваться этим в детстве, я перерыл сотни книг и убедился, что магия существовала (или, во всяком случае, описывалась) всегда. Не может быть, чтобы такая обширная литература возникла на пустом месте – скорее я готов предположить, что заклинания когда-то действовали, но затем произошло нечто, лишившее их силы, причем лишившее не сразу, а постепенно – я обратил внимание, что практикуемые магами заклинания, вначале простые, позже становились все более и более громоздкими и длинными, словно их авторы старались закрепить, сохранить нечто постоянно ускользавшее, становившееся все более эфемерным, трудноуловимым и трудноуправляемым. И еще одно – я помню, мне было года четыре, когда я в первый, да, пожалуй, и в последний раз в своей жизни столкнулся с практическим действием магии слов. Дело было так: я, четырехлетний малыш, сидя в своей комнате играл с пятикопеечной монетой – подбрасывал и ловил, вдруг денежка, проскользнув между пальцев, упала на пол и, пару раз подпрыгнув, закатилась под диван. Достать ее я не смог и тогда попробовал произнести слова, которые услышал от своего дворового приятеля (я уж и не помню, как его звали). Этим словам его научила бабушка и они должны были помочь найти потерянную вещь. В детстве такому всегда веришь легко и совершенно не задумываясь. Итак, я протянул свой пухленький пальчик к дивану, под который закатилась монета и старательно произнес: «Котли, потри, гере – найдись моя потеря». Разумеется, только пер-

вая часть и была заклинанием, а русская рифма служила ее автору для того, чтобы облегчить запоминание и идентификацию, но как бы то ни было – мой пяточок выкатился из-под дивана с характерным гулом, позвякивая закрутился волчком и лег у моих ног. Я уверен, что это не обман памяти, не выдумка – я отчетливо помню звон монеты и теплую волну, как-бы обтекающую мой вытянутый палец...

Я не придал этому событию особого значения, ведь я был еще ребенком, верящим в сказки. Но этот случай положил начало моему хобби, моей коллекции. После я много раз пытался произносить заклинания, иногда мне казалось даже, что я ощущаю что-то такое, но никогда мне не удавалось получить настолько адекватный эффект...

Тем не менее... Тот давний случай положил начало моему хобби. Скажете – странно? И я – странный? Что ж – я ведь живу в Харькове... Странный город, населенный странными людьми. Возможно где-нибудь в другом месте я бы выделялся, но здесь... Пройдитесь по Сумской, спуститесь в метро, приглядитесь к лицам прохожих. Приглядитесь к ним! И после этого я – странный? Ха! Я самый обычный и заурядный... харьковчанин.

Итак, сегодня я под каким-то предлогом смылся с наших еженедельных посиделок и придя домой поскорее уселся за свой стол. Не спеша, предвкушая предстоящее удовольствие, я положил перед собой «Экзерциции», свою коллекцию (моя «коллекция» – это довольно потрепанный блокнот в черном переплете) и шариковую ручку. Затем включил настольную лампу и приступил к чтению.

Мое приобретение полностью оправдало все ожидания, блестяще подтвердив то, что я прежде слышал о братстве Леолланнов. Это тайное общество, действовавшее в XXVII веке на юге Франции, занималось примерно тем же, что и я – собирало магические заклинания «дабы сохранить и донести до потомков хотя бы лишь отблески света благородной науки старинных дней», как гласило предисловие к «Экзерцициям». Книга и впрямь была хороша, магические формулы, приведенные в ней сопровождались пояснениями и комментариями, я наслаждался на полную катушку, когда дошел до заклинания № 18. В отличие от других, снабженных обширными заголовками (например, № 11 – «Как при посредстве восковой фигуры и стальной иглы нанести ущерб недругу, находящемуся в отдалении») восемнадцатое заклинание было озаглавлено просто «Демон» и не сопровождалось никакими пояснениями. Возможно, если бы я был трезв, такого бы не случилось, но теперь... дурачась и корча рожи я нараспев продекламировал заклинание. Внезапно вся комната начала меркнуть и пропадать, стало темно и вдруг я осознал, что нахожусь в большом зале. Я стоял на полу, мощеном каменными плитами, в центре круга диаметром примерно метр, вокруг которого была нарисована пятиконечная звезда. На концах лучей звезды и в точках, где звезда касалась круга, горели толстые свечи, тем не менее почти весь зал был погружен практически в полную тьму. Не задумываясь, я произнес слова, с помощью которых маги, оказавшиеся в темноте, заставляли светиться конец своего посоха. Разумеется, посоха у меня не было, поэтому подняв свою авторучку повыше я произнес нужное заклинание. На конце ручки вспыхнул довольно яркий огонек не дававший тепла, но зато осветивший весь зал. Итак, я оказался в мире, где магия действовала... но оказался я в этом мире не один – в зале находились несколько человек в старинной одежде и, похоже, взволнованных моим появлением не меньше, чем я сам... Разумеется, если бы я был трезв, этого бы не произошло. Если бы я был трезв, боже мой, если бы я был трезв...

* * *

Девочка Ннаонна пробралась тайком в Зал Обращений. Разумеется, присутствовать на церемонии ей пока не позволялось – ей еще не исполнилось и пятнадцати – но любопытство было сильнее любых запретов. К тому же к любопытству примешивалось и желание посту-

пить назло, доказать этим старшим, что она ни в грош не ставит их нравоучения и приказы и не нуждается в их разрешениях. Она такая же хозяйка здесь, как дед и старший брат и имеет полное право посещать любую часть замка когда ей заблагорассудится. Конечно, ее могли бы не пустить на церемонию Обращения насильно, поэтому она притворилась пайнкой и, сделав вид, что не знает о том, что Кеннон вернулся сегодня из похода с добычей, отправилась к себе, а затем, когда о ней забыли, переодевшись во все черное и темно-серое, тайком выскользнула из своего покоя и прокралась в Зал. Там она неслышно проскользнула на лестницу и, пригибаясь за перилами, поднялась на П-образный балкончик, опоясывающий Зал на высоте четырех метров. Конечно, Ннаонне стоило немало труда красться по разошедшимся доскам, не издавая ни звука, но дело стоило того – как будет здорово завтра высмеять какую-нибудь олошность Кеннона!

Тем временем подготовка к церемонии шла своим чередом. Кеннон, послав в замок гонца, нарочно вел отряд не спеша – он дожидался ночи, чтобы доставить пленников в темноте – это придаст церемонии Обращения больше силы. Расчет оказался точен – процессия достигла замка при свете факелов, бросавших зловещие багровые отблески на мрачные стены и башни, выглядящие при таком освещении гораздо более эффектно, чем днем, когда будет бросаться в глаза, что укрепления порядком запущены и обветшали. Ннаонна видела через бойницу, как дед вышел встречать Кеннона и его спутников во двор, причем так, чтобы пленники постояли с минуту (пока хозяева замка обменивались приветствиями) рядом с Ямой Костей и вполне оценили здешнюю зловещую обстановку. На двоих пленников – мужика и бабу средних лет – Яма Костей оказала должное действие – они, кажется, едва не обмочились с перепугу, зато третий – мужчина помоложе – держался лучше и время от времени делал попытки освободить руки, связанные за спиной. Это, конечно не имело смысла – из замка не сбежать, но такое поведение говорило о его упрямстве и храбрости. Этот, конечно станет воином, а тем двоим пахать землю до конца своих дней. Ннаонна отвернулась от бойницы и стала ждать, пока процессия войдет в зал. Там пленников привязали к гигантскому каменному алтарю и ритуал начался. Дед Коннахья произнес довольно длинную речь, посвященную величию Гангмара Темного и тому, как верны ему здешние вампиры, как свирепы они и кровожадны во славу его и как велика сила их (вампиров) заклятий, налагаемых сейчас на жалких людишек. Декламация сопровождалась весьма впечатляющими жестами и гримасами и произвела должное впечатление на всех, даже на строптивного пленника.

Затем Кеннон со свирепой ухмылкой склонился над каждой из трех жертв по очереди и надрезав вену каждому, делал ритуальный глоток.

– Итак, – снова заговорил Коннахья, – отныне ваша кровь принадлежит нам – вампирам, а ваши души – Гангмару Темному. Если попытаетесь бежать или бунтовать (а это совершенно бесполезно) – кара будет жестока и смерть ваша будет очень болезненной и долгой, а души ваши тут же достанутся Гангмару... Слыхал я, что пятьдесят лет молитв и послушания могут уберечь ваши души от власти Гангмара, да только не верю в это... Ну да ладно – уведите этих людишек!

На этом церемония окончилась, новообращенных повели в подземелье и пока их уводили, Коннахья стоял на своем возвышении над алтарем, огромный и зловещий, затем спустился к Кеннону и похлопав того по спине (при этом внук покачнулся), похвалил:

– Молодец – весь в отца... Ну да ладно, пойдем обмоем твой удачный поход...

Когда все ушли и Зал Обращений погрузился во мрак, девочка Ннаонна со вздохом вылезла из своего убежища и отправилась к себе. Церемония Обращения разочаровала ее – ничего интересного, со старшими всегда так, они из всего делают тайну, а ничего-то такого и не было... Да и Кеннон ни разу не сплеховал...

Глава 2

– Итак, господа, вы все вернулись в зал. Стало быть все вы готовы к ритуалу, – Гельда-колдун говорил короткими внятыми фразами, чтобы его лучше понимали. Не дай бог кому-нибудь из присутствующих перепутать что-либо или наложить в штаны с перепугу при виде демона (особенно, если осрамившимся окажется будущий король), – но я на всякий случай повторю все. Сейчас я совершу ряд магических действий, в результате которых будет вызван демон – жуткое, устрашающее существо, не принадлежащее нашему миру. Демон жесток и коварен, однакож он будет полностью в моей власти. Я задам ему вопрос – кому из вас, господа, быть королем Альды – и демон ответит. Помните, таков обычай нашей страны (хотя о нем не приходилось вспоминать уже двести лет)... Не спорьте с выбором демона и вообще – не обращайтесь к нему, иначе не миновать нам беды... Для вашей же собственной безопасности заклинаю вас – не заговаривайте с демоном, не спрашивайте его ни о чем... Сейчас я потушу свечи для того, чтобы чудовище не могло увидеть нас. Не знаю, грозит ли нам что-либо, если демон нас рассмотрит, но лучше не рисковать. Итак, мы тушим свечи, кроме тех, что составляют пентаграмму – эти должны гореть, ибо от них зависит наша безопасность – внутренний круг свечей не даст демону вырваться в наш мир, а внешний – помешает злу из нашего мира оказать ему помощь в этом. К тому же, как я сказал, мы будем скрыты от глаз демона во тьме, а он – на виду, в свете магических огней...

Пока маг произносил свои пояснения, его ученики тушили свечи в зале. Становилось все темнее и, наконец, весь зал погрузился во тьму, за исключением небольшого светлого круга в центре. Вокруг пентаграммы ученики мага предварительно расставили невысокие, по колено, ширмы для того, чтобы отсветы колдовского пламени не освещали участников ритуала.

– Ну что ж, я начинаю, – Гельда-колдун начал нараспев читать заклинания.

Претенденты на престол затаили дыхание за его спиной, даже перестали позвякивать металлические детали их воинской амуниции. Ученики мага – те, казалось вовсе не дышали под своими низко надвинутыми капюшонами. В установившейся тишине голос мага звучал все громче и громче...

Маг старался изо всех сил, напрягая свои тавматургические способности, вкладывая, что называется, душу в каждый слог заклинаний. И внезапно... На какой-то миг ему показало... Гельда-колдун ощутил себя центром Мира – вот он! ОН! ОН!!! Вихри маны проходят сквозь него, преображаясь и обретая стройность и форму в его заклинаниях! Вот он творит чудо! Было, правда, еще одно ощущение, как будто за спиной Гельды есть некто, делящийся с магом силой, маной, способностью творить колдовство – но это, конечно, только казалось... Только казалось – маг ощутил себя едва ли не всемогущим. Ему удалось!..

Вдруг в центре пентаграммы закурился туман – вначале тонкими струйками, затем гуще, гуще... Наконец, плотные клубы заполнили все пространство внутри центрального круга пентаграммы, затем осели... растаяли... В центре пентаграммы кто-то стоял. За спиной Гельды раздался шумный, на грани подвывания, вздох – нервы у всех напряглись до предела. Туман рассеялся окончательно, все буквально пожирала глазами фигуру таинственного пришельца. Демон не впечатлял. Вместо огромного ужасного монстра, с клыками, когтями и большими кожистыми крыльями, покрытого грубой красноватой шкурой (так демона рисовали магические книги и летописи, где описывалось избрание прежних королей) в круге света стоял некто, скорее похожий на человека – небольшого роста, с каштановыми волосами, на которых свет свечей играл золотыми огоньками. Разумеется, это был не человек. Даже если не принимать во внимание странные одежды этого существа – достаточно было

взглянуть в его глаза, чтобы убедиться в этом. Ни у кого в Альде, да, пожалуй, и во всем Мире, не могло быть таких глаз – светло-серых, почти белых глаз иного мира.

Внезапно таинственный гость поднял над головой странно поблескивающую палочку, пробормотал что-то и весь зал осветился сероватым равномерным мерцанием. Демон увидел людей...

Гельда-колдун сделал шаг вперед. Ситуация выходила из-под контроля и требовалось срочно предпринять что-либо.

– Во имя Эстувала, Энтуагла и Мерка! – загремел голос мага, – назови свое имя, пришедший на мой зов!

В ответ демон тихим голосом пробормотал что-то неразборчивое – голос этого существа также не соответствовал представлению Гельды о демонах. Он так растерялся, что не нашел ничего лучшего, чем переспросить:

– Как-как? Ингви? Демон Ингви?

– Да, ты можешь звать меня так – отчетливо ответил пришелец, – он, видимо, тоже успел оправиться от неожиданности.

– В таком случае, демон Ингви, сейчас я задам тебе вопрос и ты ответишь мне. Здесь в зале присутствуют три претендента на престол нашего королевства – Альды. Я представлю их тебе, а ты назовешь нам достойнейшего.

– Попробуем – нахально ответил демон и вдруг, шагнув вперед, пинком сбил одну из свечей внутреннего круга, – ну что ж ты, продолжай... Постой, а на каком языке по-твоему мы сейчас говорим?

– На демонском... – пролепетал вконец растерявшийся колдун. Весь ритуал пошел неправильно, демон был совершенно неправильный, защитные заклинания его не пугали. К тому же Гельда вдруг осознал, что совершил ужасную ошибку – ответил на вопрос демона. «Нельзя давать демону завладеть инициативой» – решил маг и быстро продолжил:

– Итак перед тобой достойнейшие: принц Кадор-Манонг, ближайший родич покойного короля (двоюродный племянник). Он стал бы монархом по древним законам Империи, если бы умер император, затем – сэр Валент из Гранлота, победитель последнего турнира – его избрали бы королем по обычаям королевства Сантлак, чьи обычаи известны своим благородством, и, наконец сэр Мертенк, канцлер Альды, фактически правивший страной последние три года – пока король страдал от хвори, которая и свела его в могилу. Он был бы избран Верховным Правителем в вольном городе Энмаре, согласно обычаям этого города. Итак, назови же нам имя нашего короля – кого ты сочтешь наидостойнейшим из этих достойных господ? Отвечай, во имя Эстувала, Энтуагла и Мерка!

Демон размышлял с полминуты, затем его лицо растянулось в наглой ухмылке. Он снова шагнул вперед, затем сделал еще шаг, сбил ударом ноги одну из свечей внешнего круга, еще шаг, еще... Все, затаив дыхание, замерли, не сводя глаз с демона, лишь Гельда попытался двинуться навстречу ему, но, встретив взгляд пришельца, замер...

В тишине негромкий голос демона прозвучал как гром:

– Я решил... Я решил, что лучшего короля, чем я вам не найти. Я стану вашим королем.

Разумеется, демонского языка не знал никто, кроме Гельды и пары его учеников, но жест, сопровождавший это заявление, был настолько красноречив, что поняли демона все.

– Колдун, мне понадобится переводчик, пока я не овладею вашей речью...

– Ну нет! – загремел Гельда – Стать придворным магом демона! Ну нет! Я уйду!

– Жаль, – не меняясь в лице ровным голосом сказал демон, – ты мог бы стать вторым лицом в королевстве, но если ты так решил... ступай и избавь меня от этих воплей, ну а вы, колдуны, – учеников мага легко было определить как колдунов по сходству их одежд с одеянием Гельды, – кто из вас желает занять должность придворного мага демона?

Самый рослый из учеников Гельды шагнул вперед и откинул капюшон (снимать капюшон на людях и показывать лицо разрешалось только самостоятельному магу, у ученика, как известно, не может быть своего лица):

– Гельда-колдун, я оставляю ученичество и благодарю тебя за науку – мне больше нечему учиться у тебя, – затем, повернувшись к демону, – я готов служить тебе, демон Ингви! Меня зовут Сарнак, теперь Сарнак-колдун.

– Теперь Сарнак-колдун придворный маг... как бишь зовется эта страна? Придворный маг короля Альды. Вот тебе и первая задача – объясни этим господам, что к чему и постоянно держись поближе ко мне – мне нужен переводчик.

Гельда-колдун, ошарашенно прослушавший этот диалог, прошипел:

– Я предупреждал тебя, Сарнак, из дворянина не выйдет колдуна – так попомни же мои слова... Попомни же! – колдун кинулся к дверям, взметая полы своего просторного балахона. Его ученики неуверенно засеменяли за ним.

Паузу прервал демон:

– Сарнак, объясни господам, что мы все нуждаемся в отдыхе, так как вечер получился довольно бурный, завтра мы поговорим обо всем – достойнейшие люди королевства получают и достойные их награды при моем восшествии на престол, а канцлера я прошу сопровождать меня – с ним мне нужно поговорить немедленно.

* * *

...Да, конечно, с моей стороны было не слишком умно назвать старому шарлатану свою фамилию. Слава богу, он не расслышал. Так что теперь я демон Ингви. В общем-то, я ничего не имею против фамилии Иволгин, хотя она и послужила поводом для не слишком приятных кличек в детстве, но демон Ингви – это звучит! Это имя гораздо лучше соответствует королевскому достоинству (вообразите только – король Иволгин!) Но теперь с этим покончено.

Итак, для начала я решил побеседовать с канцлером Мертенком, чтобы понять, где я в конце концов очутился и чем располагаю. Кстати, я, наверное, должен пояснить, зачем вообще полез во все это? Очень просто – я испугался – а что если я не смогу вернуться? Вы только представьте себе – вот я сделал выбор, осчастливил эту страну новым королем – и после этого не пропал. Что делать бедному демону в мрачном средневековом обществе, где изгнание дьявола – весьма популярный спорт? Вот поэтому я и решил выжать максимум преимуществ из сложившейся ситуации... Кстати, вскоре выяснилось, что нажил я совсем немного, то есть власти у меня было как у короля хоть отбавляй, а ресурсов – никаких. Но не стану забегать вперед и расскажу обо всем по порядку.

Итак, я потребовал:

– Прежде всего, сэр Мертенк, я попрошу вас вот о чем: мне нужно знать, что находится в королевской казне, какие доходы у короля этой страны, и на что расходуются деньги? – этим вопросом я, кажется, и порадовал, и поразил канцлера. Думаю, что последний король уделял мало внимания финансовым делам. Видимо, в этом обществе вообще не принята подобная меркантильность в высшем сословии, однако я-то сознавал, что хорошим королем можно стать лишь овладев этой довольно скучной стороной королевской жизни. Кстати, сам сэр Мертенк показался мне не слишком умным, но честным и исполнительным служакой. Он, кажется, был даже рад, что я избавил его от риска стать монархом – сэр Мертенк правильно оценивал свои возможности и как канцлер чувствовал себя «человеком на своем месте». В общем, с ним мы прекрасно поладили, тем более что своими расспросами я его приятно удивил – сэр Мертенк не ожидал от демона подобной рассудительности. К сожалению, ему меня порадовать было нечем. Казна была безнадежно пуста – похороны моего предшественника съели все. Поступлений в казну в ближайшее время также не предвиде-

лось. После этого я был вынужден поставить вопрос шире и потребовал показать мне карту моей державы. Моя Альда оказалась лесистой равниной, с трех сторон (с севера, запада и юга) окруженной невысокими горными хребтами. Почти вся обжитая территория, как объяснили мне канцлер с колдуном, была поделена на феодальные владения моих вассалов-рыцарей¹, которые налогов не платили.

– Как же так – вассалы не платят налогов? – это шло вразрез с моими понятиями о феодальном обществе...

– Ваше величество, – поспешно объяснил канцлер, – дворяне платят «налог крови» – они несут военную службу, ведь мы воюем с орками.

– Та-ак... Значит, мы еще и воюем... – час от часу не легче (этого я, конечно, вслух не сказал), – и как же протекает война?

Канцлер гордо доложил, что мои храбрые рыцари, слава Гилфингу Светлому, неизменно одерживают верх. Сами военные действия протекают, как правило, на обширной равнине, именуемой Ничейные Поля, к востоку от Альды (с востока страна не прикрыта горами). Орки выходят небольшими отрядами из своей крепости, расположенной где-то далеко на юго-востоке и пытаются проникнуть в наши пределы, а мои рыцари – каждый на свой страх и риск – патрулируют Ничейные Поля, стараясь не допустить врага в заселенные области. В общем, в военном деле бардак полнейший.

– Ну так почему же, если наши постоянно побеждают, не покончить с этой войной раз и на всегда – не одолеть окончательно врага?

В ответ на это я услышал пространный рассказ о Великих Войнах, в которых силы Света в составе людей, эльфов и гномов одолели силы Тьмы (за команду Тьмы играли орки и тролли). Но даже объединенным армиям победителей не удалось выкурить орков из их совершенно неприступной твердыни, а уж одному войску моего маленького королевства такой подвиг и подавно не по плечу. Кстати, попутно канцлер Мертенк преподнес мне еще один неприятный сюрприз – оказывается, формально король Альды – вассал Императора Великой империи людей. Впрочем, об этом не вспоминали уже лет пятьдесят и два последних короля вассальной присяги императорам не приносили. Империя эта возникла в эпоху Великих Войн, которые потребовали принести независимость отдельных королевств в жертву ради объединения и создания единой армии. Поскольку цементом, скрепившим на время Империю, служила опасность внешней агрессии, после победы эта держава стала понемногу ветшать, королевства вроде моей Альды стали тяготеть к сепаратизму...

– Ну что ж... – протянул я, – вернемся к финансам. – Чем мы располагаем? Ведь прежний король не бедствовал?

– Ваше величество, все владения покойного короля перешли по наследству к его ближайшему родственнику – принцу Кадор-Манонгу.

– Так-так... – мы вновь вернулись к карте и Мертенк показал мне обширные владения прежних королей, ставшие теперь достоянием этого принца – неприятного типчика с крысиной физиономией. – Но что-то у меня все же осталось?

– Да, ваше величество, налоги и подати с ремесленных цехов вашей столицы и фермеров.

Выходило, прямо скажем, негусто – незакрепощенные крестьяне оставались только на юго-западе страны в предгорьях Мокрых Гор – в краю с мерзким климатом и почти невозделанными землями. Все лучшие угодья с крестьянами-сервами были поделены между принцем и еще дюжиной дворян – вассалов короля, составлявших военное сословие Альды. Словом, денег у короля нет... а я уж наобещал при коронации раздать награды. Что ж,

¹ Гонец хочет сказать, что во вражеском войске не менее пятидесяти дворян, имеющих «значок» – флажок с гербом (Прим. автора).

существуют совершенно бесплатные почести, которыми я осыплю завтра знать королевства! Кстати, я должен буду пристойно выглядеть – мне нужны королевские шмотки. Это навело меня на мысль – гардероб прежнего короля можно продать, отобрав предварительно кое-что для себя. Канцлер Мертенк был ошеломлен поначалу этой идеей – ему не могло прийти в голову такое – пустить с молотка роскошное королевское барахло, но, подумав, он согласился со мной и предложил снарядить для этого караван в торговый город Энмар, патриции которого любят красиво приодеться.

Я углубился в разглядывание карты и, видимо, вид у меня был довольно хмурый, так как я заметил, что канцлер с колдуном нервно переглянулись и заерзали на своих стульях. Чтобы как-то разрядить обстановку, я ткнул пальцем в черный квадратик на карте к северу от столицы и спросил:

– А это у нас что?

– Это замок вампиров.

– Ага...

Ну это уж слишком – еще и вампиры на мою голову.

– Ладно, у нас мало времени, поэтому сейчас решим лишь текущие дела.

Затем мы обсудили предстоящую церемонию и, наконец, около четырех утра я отправился на покой в свою опочивальню.

Вымотался я, конечно, жутко, но прежде чем рухнуть в кровать, тщательно обследовал помещение. Кроме парадных дверей я обнаружил, используя свои новые возможности мага, две потайные дверцы и люк в полу.

Заперев их соответствующими заклинаниями, я отрубился...

* * *

Мрак. Вертикально стоящее облако совершенно непроглядного мрака:

– Сестра.

Свет. Яркий, приятный зеленоватый свет заполняет все пространство за исключением того, что занято облаком мрака:

– Что, брат, ты все еще не угомонился? Все еще строишь свои козни?

– Ты это о чем?

Свет переливается и вспыхивает золотистыми искрами:

– О твоей возне с людьми. Как видишь, мне все известно – ведь я есть жизнь. И обо всем, что живет, мне известно все.

– Ну, мне-то ты могла бы не повторять эти глупые сказки. Ты – жизнь... Ты, сестра, настолько тяготеешь к покою... к вечному покою... Скорее уж жизнь – это я! Я – движение, я – порыв...

– Ты уходишь от моего вопроса. Зачем тебе эта возня с людьми? С теми, иными людьми.

– А разве не ясно? Я пытаюсь найти союзников на случай, если...

– Если?

– Если ОН вернется... – облако мрака слегка смещается.

Свет немного тускнеет:

– Ты что-то знаешь? Ведь нет?

– А ты? Сознайся – ведь ты тоже боишься ЕГО возвращения?

Свет вспыхивает вновь:

– С чего ты взял?

Мрак клубится и деформируется, кажется, что в нем угадываются какие-то очертания, но это только кажется.

– Интуиция, сестра, интуиция... Ведь и ты не знаешь, **каким** ОН вернется. Это смущает тебя, нарушает твой пресловутый покой, верно?

– Чего ты хочешь?

– Ну-у, я мог бы сказать: «не мешай мне», но это было бы слишком в твоём духе. Поэтому – мешай, вреди, противодействуй! Это только веселит меня! И победа рано или поздно придет! – это, казалось бы невозможно, но абсолютный мрак становится еще чернее. – Ведь это я всегда делаю новый ход, а ты лишь ищешь ответ на него. С каждым разом тебе труднее найти ответ – и когда-нибудь ты не найдешь его вовсе! Так что давай, пытайся мешать мне, пока еще можешь – и трепещи, узнавая о каждой моей новой выдумке, и бойся, что она окажется последней!

Облако мрака начинает расползаться, теряя форму, растворяясь в окружающем его свете, но и свет при этом блекнет, принимая в себя частицы мрака. И вот нет ни мрака, ни света – есть только тусклое, бесформенное нечто... или, может быть, ничто...

Глава 3

Восшествие на престол нового короля – это всегда праздник для подданных. Этот факт не объясняется никакими реальными причинами, но от нового короля всегда ждут, что он улучшит жизнь народа. «Уж теперь-то заживем» – написано на всех лицах. А уж если король молод и недурен собой – ликование толпы нет предела. Однако в день коронации нового альдийского короля к обычному для такого случая праздничному настроению примешивалась тревога.

Разумеется, ни в чем конкретном тревога эта не выражалась, народ выражал приличествующий поводу восторг, цехи Альды прекратили работу и городской люд, предводительствуемый цеховыми мастерами и старейшинами, в праздничной одежде сошелся на площадь перед дворцом. Подмастерья и ученики, готовые зубоскалить по любому поводу, шутили и задирали друг друга, молоденькие горожаночки строили глазки и хихикали, карманники снимали свою обычную жатву, мальчишки стайками шныряли повсюду, и все же на площади чувствовалась какая-то напряженность, какое-то ожидание, неясная тревога... Впервые на трон Альды, королевства людей, садился не человек. Это будоражило воображение, беспокоило, заставляло вспоминать полузабытые древние пророчества, старинные сказки о демонах, таинственных существах иного мира, неким образом влияющих на наследование альдийской короны. Демона почти никто еще не видел, подробности его появления большинству были неизвестны, носились неясные слухи о том, что вызвавший его Гельда-колдун сам бежал в стахе перед содеянным...

Тем временем в тронном зале Альхеллы начиналась церемония коронации. Традиционный ритуал пришлось нарушить с самого начала, так как священники из храма Гилфинга Светлого отказались благословить восхождение на трон демона. Вместо епископа корону держал канцлер Мертенк, пространную молитву пришлось вовсе изъять из сценария... Словом, от красивого представления для знати, собравшейся по этому случаю в тронном зале, не осталось почти ничего. Тем быстрее участники церемонии оказались на балконе, где новый король по традиции произносил речь к народу и оглашал свои первые указы (обычно это бывали распоряжения о помиловании преступников, содержащихся в городской тюрьме).

Как только затрубили трубы, оповещавшие о том, что коронация состоялась, гомон многотысячной толпы мгновенно стих. Все взгляды устремились на балкон – горожанам не терпелось разглядеть демона, которому отныне предстояло править ими. Когда до собравшихся дошло, что довольно невзрачный человечек в темных одеждах и есть грозный демон, послышался как-бы всеобщий вздох разочарования, все разом загомонили... И вдруг все разговоры оборвались на полуслове – внезапно резким движением демон вскинул обе руки, от его запрокинутых ладоней протянулись вверх, словно к самому небу, два ослепительно-белых столба света... Кто-то завопил, женщины падали в обморок... Так же внезапно свет исчез, демон опустил руки. В воцарившейся гробовой тишине раздался спокойный голос:

– Слушайте, люди Альды! С вами говорит ваш король – демон Ингви. Пока демон не овладел нашим языком, буду переводить буду я – Сарнак, придворный маг.

Затем заговорил сам демон. Он говорил негромко, но вся площадь слышала его. Произнеся фразу-другую демон замолчал, давая возможность Сарнаку перевести, затем продолжал. Даже речь его была необычной, никогда еще ни один король не произносил подобного перед своим народом:

– Здравствуйтесь, люди Альды. Я догадываюсь, что вы думаете обо мне, догадываюсь о том, что тревожит вас. Никогда еще не бывало такого, чтобы на престол вашей страны вступало существо, подобное мне. Не бойтесь – я не желаю вам зла! Пока я не знаю вашего

языка, ваших обычаев, но постараюсь овладеть ими – и лишь тогда смогу с полным правом начать править. Пока же делами Альды будут руководить те, кто делал это до моего прихода в Мир. Перед вами канцлер, сэра Мертенк, чья мудрость правителя известна, перед вами храбрейший и доблестнейший рыцарь – сэра Валент Гранлотский, сегодня я назначил его маршалом королевского войска – эти достойнейшие люди станут управлять страной и командовать войском в течении двух месяцев, пока я изучу ваш язык и ваши законы. Затем я возьму бразды правления в свои руки. Я обещаю править честно и достойно, быть вам надежным защитником и беспристрастным судьей.

На этом тронная речь была окончена – демон, не дожидаясь реакции собравшихся на площади людей, повернулся и в сопровождении свиты вернулся во дворец, оставив толпу с волнением обсуждать его слова. При этом он тихо, так что расслышать не мог никто, бросил Сарнаку:

- Кажется, мне удалось-таки всех их озадачить.
- Да, удалось, – ответил тот, подумав при этом: «И меня в том числе».

* * *

Даже на мой неопытный взгляд церемония коронации прошла довольно вяло. Такие же мысли я читал и на других лицах. Несколько оживила обстановку раздача титулов, чего, конечно, никто не ожидал. Я объявил собравшимся в тронном зале дворянам о своем решении взять двухмесячный тайм-аут и наделить на этот срок чрезвычайными полномочиями достойных людей. Разумеется, самыми достойными – сказал я – являются недавние претенденты на престол.

Сэра Валент из Гранлота, победитель последнего турнира – здоровенный светловолосый детина – получил звание маршала королевского войска. Было любо-дорого смотреть, как мой маршал не мог скрыть улыбки – я понял, что попал в точку, отныне этот парень – на моей стороне. Это было очень немаловажно, так как он пользовался большим авторитетом среди моих рыцарей. Затем я официально наделил Сарнака должностью придворного мага Альды. Вообще-то, этот человек для меня – настоящая находка – и колдун, и переводчик, да к тому же и благородного происхождения, то есть может преподавать мне уроки фехтования и верховой езды. Совсем незачем знать кому-либо еще, что король – полный профан в этих благородных искусствах.

Третьим награжденным был, разумеется, Мертенк – ему достался довольно невнятный, но очень красивый титул «Лорд-хранитель королевства». Один только принц Кадор-Манонг не получил ни хрена – я решил, что с него хватит и того, что он оттяпал чуть ли не пол-страны в ленное владение. Конечно, восстанавливать против себя самого богатого и знатного человека страны – глупость для нового короля, но я был уверен, что ничего не теряю, поскольку на расположение принца мне рассчитывать не приходилось в любом случае – мы с ним с первой минуты почувствовали неприязнь друг к другу. Что ж, с этим принцем мне придется держать ухо востро, как говорится... И с ним, и с попами, и с колдунами.

Короче говоря, церемония прошла довольно скучно, но зато я отыгрался на толпе, что собралась на площади. Жизнь приучила меня не рассчитывать на такие утопические понятия, как «народная благодарность», «народная любовь», а уж «народная мудрость» – это и вовсе чушь. Так что с этой бандой я совсем не церемонился. Главное для меня было с самого начала застрашать их как следует, а уж этого я добился вполне. Поймите меня правильно, я собирался стать этим людям хорошим королем, а значит – желал им добра, но в данный момент мне от них требовалось только одно – чтобы исправно платили налоги и не путались под ногами...

Сразу после коронации я занялся делами – мне нужно было поговорить с моим новым маршалом о войне и моей армии, обсудить с Сарнаком кое-какие вопросы, связанные с практикуемой в этом мире магией, и, наконец, заняться с канцлером ревизией королевской бухгалтерии...

* * *

Рассчитывавшие на праздничный пир дворяне, были весьма разочарованы, когда им было объявлено, что король немедленно займется государственными делами и не будет ни турнира, ни угощения, однако выражать недовольство открыто – значило проявить невоспитанность, к тому же магические способности демона отбивали всякую охоту спорить с ним. Поэтому празднично одетые дворяне, тихо переговариваясь, покинули дворец и отправились в город, где уже начался какой-никакой праздник...

Демон в сопровождении вновь назначенных маршала, придворного мага и Лорда-хранителя удалился в небольшой зальчик, где на столе лежала самая подробная карта Альды с прилегающими землями, которую смогли разыскать.

– ... прежде всего, я хочу узнать, что представляет собой моя армия, каковы враги и как протекают военные действия.

Сэр Валент из Гранлота потерял свои длинные светлые усы и не спеша начал рассказывать:

– Армию вашего величества составляют ваши верные вассалы, каждый из них обязан являться на военную службу на коне, в полном вооружении и с достойной свитой, также вполне вооруженной...

– А каким образом определяются размеры этой «достойной свиты»?

– Ну как же... Ну... Каждый дворянин выводит в поле столько конных латников, сколько позволяет ему содержать доход с его ленных владений. Ежели воинов будет меньше – это будет бесчестье тому рыцарю, да и в бою ему будет недоставать воинов... Что до наших врагов – так это орки...

– И что же собой представляют орки? Сэр Валент, я ведь здесь недавно, как вы знаете, и пока еще не видал ни одного орка.

Рыцарь наморщил лоб, соображая, как бы описать орков тому, кто их не видел, затем лицо его просияло:

– Ваше величество, вы можете взглянуть на них – в вашей темнице сидят плененные мной орки, которых я привел из последнего похода старому королю Манонгу, да он бедняга, был уже так болен, что и не взглянул на них... что же до военных действий, то они проходят за восточной границей – в Ничейных Полях. Мы с нашими латниками отправляемся туда и ищем орков, которые отрядами по тридцать-сорок воинов пробираются в Альду. Орки стараются проскользнуть незаметно и если удастся им это – чинят разорение на наших землях – жгут деревни, убивают, а молодых женщин забирают с собой.

– Зачем же им женщины?

– Никто толком не знает, но уж ничего хорошего от орков ждать не приходится...

– Значит, каждый рыцарь действует на свой страх и риск – без всякой организации?

– Да вроде того, – такой вывод демона неожиданно смутил маршала, – но если какой-нибудь рыцарь наткнется на слишком большой отряд врага, правила рыцарской чести не возбраняют в этом случае ему объединиться с другими нашими отрядами. При этом формально командовать совместными действиями будет тот, кто первым обнаружил врага, либо тот, у кого больше воинов, либо...

– ...Либо оба сразу – верно я понимаю? – улыбнулся демон.

– Да в общем-то, вроде верно – наши не привыкли подчиняться приказам и действовать сообща... – несмело улыбнулся в ответ рыцарь.

– Ну что ж, спасибо, сэр Валент, картина в целом мне ясна. А на орков я взгляну обязательно – как только дела позволят... А теперь вопросы к тебе, Сарнак. Мне нужно разобраться, на что способны здешние колдуны...

Глава 4

«... И не было ничего, кроме Гилфинга, и было все – ибо Гилфинг вмещал в себя все: свет и тьма, огонь и ветер, радость и боль, мужчина и женщина – всем был Гилфинг... Будучи вместилищем всего в окружающей пустоте, он предавался созерцанию и размышлению – созерцанию себя и размышлению о себе... Так было!

И размышления Гилфинга привели его к спорам – спорам с самим собой. Он, вмещающий в себя все, спорил с собой обо всем и однажды понял, что не в силах более быть один, ибо в спорах проявлялась двойственность его бытия. От его мыслей, рвавших надвое его, родились два существа, каждое из которых было отражением его сущности, но не полным, а как-бы половинным... Так было!

И создав эти существа, наделил Гилфинг их разумом, дабы мыслили, как он, и наделил голосом, дабы спорили с ним, до той поры одиноким, и дал им имена, дабы впредь существовали вместе с ним в безвремяе посреди Вечного Ничто. И нарек одного из них Гангмар – досталось ему мрачное упорство, и тяжелые раздумья, и нелегкий выбор, и неистовый хохот... А другую нарек – Гунгилла – досталась ей сладкая нежность, и мягкая ласка, и тихий смех, и тихие слезы... Так было!

И глядя на них – детей своих дум – радовался Гилфинг, ибо кончилось его одиночество... ибо в каждом из них он видел часть себя. И думал вместе с ними, и спорил с ними, и был счастлив... Но некоторую часть безвременья спустя он заметил, что часто не с кем спорить ему, ибо Гунгилла была слишком нежна и ласкова и почти всегда с ним согласна, а Гангмар, поначалу радовавший свего создателя упорством и изобретательностью в спорах, стал часто покидать ту часть нематериальности, где были они. Все чаще и все дальше Гангмар уходил в Вечное Ничто, и находился там подолгу, и новые мысли рождались у него. Эти мысли не рождались в спорах с собой, как мысли Гилфинга, ибо не двойственна была натура Гангмара, а рождались эти мысли в спорах с Вечным Ничто, которое помалу вползало в его душу во время отлучек... Так было!

И однажды призвав Гангмара, спросил Гилфинг его:

– Скажи мне, возлюбленное дитя моих дум, что тревожит тебя? Что влечет тебя в Вечное Ничто?

И ответил Гангмар:

– Отец! Я так часто спорил с тобой, что душа моя стала беспокойна... Ведь мы существуем посреди ничего, стало быть – мы есть нечто. И я спрашиваю себя – есть ли еще нечто в ничем? И я вспоминаю наши споры – и не нахожу ответов... Однакож я чувствую нужду в чем-то... И не могу объяснить лучше.

– Отец! – подхватила Гунгилла, – ответь нам: есть ли что-то в ничем?

Так спрашивали они, ибо, в отличие от своего создателя, были не цельны – а значит, не совершенны, – и чувствуя незавершенность в себе, ощущали и незавершенность окружающего их ничего... Так было!

С улыбкой глядел на них Гилфинг – как повзрослели его дети! – и ответил:

– Дети мои, посреди ничего и спорить не о чем – так будь по-вашему! Я говорю вам – да будет! Отныне будет посреди ничего НЕЧТО – будет Мир!

И явилась среди Вечного Ничто твердь – и начался отсчет времени... Так было!..»

* * *

Из всех докладов моих приближенных меня порадовал только Сарнак – из его рассказа я понял, что здешние колдуны не составят мне серьезной конкуренции, их магические спо-

собности не идут ни в какое сравнение с моими, заклинания они знают самые плохонькие, да к тому же у них в обычае пользоваться различными техническими средствами – вроде рисунков и свечей того старикашки, Гельды. Насколько я могу судить по литературе, что проштудировал, пополняя свою коллекцию, вся эта мишура – свечи, жезлы, восковые фигуры и прочее – используется только дилетантами и сама по себе не имеет большого значения. Это барахло лишь помогает сконцентрироваться магу, сосредоточиться на предмете магических усилий, то есть играет в колдовстве примерно ту же роль, что, скажем, картинки в книге. Подлинную же силу имеют лишь заклинания. Что такое само колдовство – я сам толком не понимаю, могу лишь предположить, что произнося заклинания маг запускает в действие какие-то процессы в мозгу, а уж мозг человеческий – штука темная и загадочная. Насколько я знаю, никто не в состоянии объяснить толком, что такое гипноз, однако гипноз существует – это подтверждено многочисленными проверками и экспериментами. И кто знает, что еще гнездится в нашем разуме, какие таинственные процессы происходят там...

Должен сказать, что к этому времени у меня начала складываться в голове кое-кая теория, объясняющая действие колдовства – поначалу неясная и довольно схематичная. Я предположил, что существует некая магическая субстанция, этакая волшебная атмосфера, что ли... возможно здесь будет уместно употребить термин «мана», используемый кое-где в литературе. Так вот, мне представляется, что эта мана распределена равномерно по всей планете и достается ее примерно поровну всем, но по мере того, как росло человечество Земли, каждому доставалась все меньшая доля этого магического сырья, следовательно магам все труднее становилось использовать заклинания – им приходилось разрабатывать новые, более изощренные и действенные формулы, возможно даже, что человечество эволюционировало, становилось восприимчивее к магии... и все же проиграло эту гонку с самим собой. Мы, люди Земли, выбрали материальный прогресс, развитие техники, медицины и в итоге – стремительный рост населения, отказавшись при этом от волшебства, от фантастических способностей героев наших сказок. Можно представить себе отчаяние последних колдунов, искусство которых угасало, гило, буквально ускользало у них из рук. Отсюда и возникновение тайных братств последних адептов «благородной науки», объединившихся в тщетной попытке обмануть судьбу... Если дело обстоит именно таким образом, если мои догадки верны, то я явился в мир, небольшая численность населения которого обеспечивает каждому человеку с магическими способностями приличную долю маны, достаточную, чтобы творить чудеса. К тому же мои способности – продукт эволюции более длительной и направленной, чем у здешних магов, что дает мне преимущество в сравнении с ними, не говоря уж о моей коллекции – не исключено, что я теперь – самое могущественное существо этого мира. Конечно, при этом мне ни в коем случае нельзя переоценивать своих возможностей – всегда может найтись кто-нибудь посильнее меня, к тому же мне предстоит игра на чужом поле. Поэтому я решил при первой же возможности проверить действенность всех своих заклинаний, особенно таких, которые могут быть использованы при нападении и защите.

Впрочем, возможно все обстоит и не совсем так, ведь это лишь мои догадки, но тем не менее они прекрасно объясняют тот факт, что здесь моя магия прекрасно работает, а там – в моем прежнем мире... Я вспомнил свою работу, всю свою жизнь... Каким серым и пресным показалось мне это! Только сейчас я осознал по-настоящему, что это в прошлом, что я начал новую жизнь – жизнь, полную приключений, возможно опасностей, но зато какую интересную жизнь! Правда, когда-нибудь, возможно, мне будет не хватать Сумской.

* * *

– ...Ну что ж, господа, для первого раза, полагаю, достаточно, – подвел итоги демон после двух часов расспросов, – теперь, пожалуй, самое время отметить мое восшествие на престол небольшой пирушкой, а потом – снова за работу... Я должен обдумать то, что вы мне рассказали. Но – хватит дел! Идемте к столу!

После «небольшой пирушки», натянутую официальность которой не помогли преодолеть даже несколько кубков отличного вина из королевских подвалов, демон в сопровождении канцлера и Сарнака отправился осмотреть одеяния и доспехи прежнего короля, большую часть которых предстояло отправить на продажу в Энмар.

Оба приближенных обратили внимание на то, что демон совершенно по-человечески был неравнодушен к своей внешности. Он подолгу рассматривал дорогие, вышитые золотом, наряды, большая часть которых была ему, впрочем, велика. Если же какие-то одежды приходились впору – так же подолгу примерял их, вертясь перед большим зеркалом эльфийской работы, оправлялся так и этак и, как правило, с тяжелым вздохом откладывал. Для себя, в конце концов, Ингви отобрал некоторые одеяния, преимущественно темных тонов, отложив в сторону яркие и пестрые. На вопрос Мертенка, несмело спросившего о причинах такого выбора, король пробормотал:

– Я должен поддерживать свой имидж... а теперь займемся бижутерией, – и направился к столу, на котором были разложены украшения с драгоценными камнями.

Как перевести этот ответ Мертенку, Сарнак не знал и лишь пожал плечами:

– Кажется, он хочет выглядеть более мрачно, чем есть на самом деле... Наверное...

Канцлер собирался потребовать у мага более точного перевода, как вдруг оба заметили необычное поведение короля – тот застыл, склонив голову набок и пристально рассматривая янтарные четки. Через несколько минут Ингви спросил:

– Сарнак, а вашим колдунам что-нибудь известно о каких-нибудь необычных магических свойствах янтаря?

– Каждый камень имеет свои свойства...

– Да нет, ни один из всей этой груды не излучает такого... Черт, я не знаю как это объяснить, но от янтаря исходит нечто... какие-то эманации... стоп, а может кто-то заколдовал эти четки? Да нет, вот еще янтарная штучка, – демон поднял из поблескивающей груды пряжку, украшенную камнем – и здесь то же самое... Странно... Пожалуйста, проследите, чтобы изделия из янтаря, если они здесь есть, не пошли на продажу. Я должен кое-что проверить.

Впрочем, янтаря больше не нашлось и вскоре демон перешел к доспехам. Тут возникла заминка – как выяснилось, он ничего не понимал в оружии. Поэтому он подолгу нерешительно перебирал части воинского снаряжения, требовал объяснения по каждой мелочи, пока не дошел до лат из странного зеленоватого металла, пожалуй самых древних из всех. Это был полный доспех несколько странных пропорций, достаточно при этом легкий, чтобы его мог носить и пеший воин. Мертенк с Сарнаком принялись обсуждать возможное происхождение доспехов, причем демон не скрывал своей заинтересованности и поминутно требовал перевода. Он уже успел напялить причудливый шлем, украшенный металлическими крыльями и повертеться в нем перед зеркалом, поднимая и опуская забрало, когда его приближенные пришли наконец к заключению, что доспехи вероятно гномьей работы, но предназначены для орка – то есть либо изготовлены плененным орками гномом в неволе, либо выкованы до Великих Войн, когда гномы могли торговать с орками и работать по их заказу. Второй вариант был более вероятным, так как никто никогда не слышал про гнома, сделавшего что-либо подневольно – это племя славилось упрямством и непокорностью. С помощью колдуна Ингви влез в доспехи, сделал несколько шагов, попрыгал, поприседал

– и наконец объявил, что чувствует себя в них «как дома». Когда-то доспехи были украшены драгоценными камнями, однако впоследствии камни кто-то выдрал. Мертенк заявил, что негоже королю ходить в ограбленных древних латах, однако демон был непоколебим и твердо сказал, что доспехи его устраивают.

Далее предстояло выбрать оружие, но тут Ингви заявил, что сначала хочет взять у Сарнака несколько уроков фехтования, а затем выберет себе что-нибудь сам, для начала же он прихватил довольно короткий меч, подходящий для тренировки и изящный эльфийский кинжал, который собирался носить на поясе, так как заметил, что дворяне не ходят без оружия.

В углу комнаты были развешаны щиты, украшенные гербами и эмблемами. Это навело канцлера на мысль, что новому королю необходим герб. Ингви согласился, что это дело неотложное и пробормотав опять что-то насчет «имиджа», сказал, что выберет «что-нибудь зловещее, например белый ворон на черном поле».

– Ваше величество, это не годится, – запротестовал Мертенк, – это слишком напоминает флаг морских разбойников – белая лошадь на темно-темно-синем...

– А этих разбойников боятся?

– Разумеется – они не знают жалости, не признают законов и не почитают Гилфинга Светлого.

– Ну вот и замечательно – что боятся... Ладно, герб – дело серьезное, подумаем еще немного. На этом пока закончим... Сэр Мертенк, распорядитесь, чтобы мои доспехи привели в порядок. – И с этими словами демон, сунув подмышку меч и кинжал и прихватив янтарные четки, удалился в сопровождении придворного мага, фальшиво насвистывая какой-то мотивчик...

Канцлер смотрел с минуту им вслед, затем пожал плечами и позвал слуг паковать то, что предстояло отправить в Энмар – король велел готовить обоз не откладывая...

Глава 5

«...И они сошли в Мир, Гилфинг и его дети, и стали преобразовать его: Гилфинг вздымал горы и наполнял водой океаны, прорезал глубокие пропасти и расстилал широкие равнины; следом за ним шли его дети и творили – каждый в соответствии со своей природой. Гунгилла растила травы и деревья, населяла мир всевозможными зверями и птицами, там где проходила она все цвело – шумели леса, пышным ковром расстилались степи... Гангмар же, несший в душе отпечаток Вечного Ничто, творил Мир таким, что и сквозь мировой порядок под его рукой пробивались ростки хаоса. Он засыпал раскаленным песком зеленые степи – и пыльное марево закурилось над пустынями, он смешивал луга и озера в топкое месиво – и повис зловонный смрад над болотами, он крошил горы и сыпал их в море – на сотни километров протянулись стылые холодные отмели, заливаемые мутными волнами приливов, с иных гор он срывал вершины – и хаос расплавленной лавой тек по земле... И эти искаженные земли населял Гангмар жуткими тварями, отталкивающими и страшными. Особенно же любил он змей, ящериц и всевозможных гадов – летающих, ползающих, прыгающих, плавающих, в которых видел отражение своих дум и своего будущего облика... Так было!

Гунгилла часто жаловалась отцу, что Гангмар разрушает ее творения и губит созданных ею зверей и наконец Гилфинг сказал:

– Довольно, дети, Мир создан и поделен вами – хватит делить его и искажать то, что сделано. Пора испытать наше творение.

И Гилфинг, а за ним и его дети облеклись в плоть, приняв образы величественные и прекрасные и стали жить в мире, ими сотворенном... Так было!

Счастливы и беспечны были те первые дни юного мира! Среди зеленых рощиц, на берегах чистых прозрачных рек хрустальными колокольчиками звучал смех Гунгиллы, ослепительно прекрасной и всегда счастливой... С улыбкой глядел на нее Гилфинг и почувствовал вдруг то, чего не бывало с ним никогда прежде, да и не могло быть до создания Мира – в безвременьи и бестелесности, среди Вечного Ничто... В душу Гилфинга проникла любовь... Так было!

Подобный прекрасному юноше предстал Гилфинг перед Гунгиллой, прекрасной, вечно юной девой. И она взглянула на него с любовью, ибо такой была создана ее душа – ищущей любви и нежности и дарящей с радостью любовь и нежность... Казалось не будет предела их счастью – и плодом их любви стали эльфы – народ прекрасный и беззаботный, как Мир в первые дни творения, народ, всегда готовый петь и веселиться, живущий одним днем, но не знающий старости и смерти... Так было!

Долго длилась эта беспечная пора – долго, но не вечно... Все чаще Гилфинг становился задумчив и серьезен, все чаще уходил он поразмышлять о судьбах Мира в глубокие пещеры, у самых корней гор. Гунгилла тосковала по нему и как прежде Гилфинг являлся к ней в созданные ею леса, так теперь она приходила к нему в созданные им пещеры. Там находила она Гилфинга в ином облике – он предстал перед ней зрелым мужчиной, его лоб прорезали морщины, а виски серебрились сединой, сама же Гунгилла не менялась – она была все той же вечно юной девой... И там, в безжизненных глубинах они породили народ гномов – детей все еще юного мира, но и предчувствий грядущих бед. И словно для того, чтобы выжить среди предстоящих испытаний, гномы пришли в Мир могучими и выносливыми, готовыми к тяжелому труду и лишениям... Так было!

Как пришли в Мир люди – не знает никто...»

* * *

Демон не шутил, берясь за дело. С утра и до самого позднего вечера он не давал покоя ни себе, ни Сарнаку – фехтование, верховая езда, изучение языка. Доведя себя до полного изнеможения, король звал канцлера Мертенка и внимательно изучал законы королевства и империи, летописи и прочее, что нашлось в королевской библиотеке и архивах. Время от времени он бормотал что-то себе под нос, вероятно, заклинания. При этом слуги, оказавшиеся поблизости, шарахались от демона и шептали молитвы Гилфингу Светлому. Король не обращал внимания на их суету.

Насколько быстрота восприятия и сообразительность демона вызывали восторг канцлера, настолько Сарнака удивляли телесная слабость Ингви и его полная неопытность в обращении с холодным оружием. Правда, реакция у него была отличная, двигался он довольно легко, но для боя на мечех Ингви был слабоват...

Совместные физические упражнения сближают – невозможно постоянно бояться того, кого по несколько часов в день учишь фехтовать и держаться в седле, поэтому, уже на второй день, когда демон предложил перейти на ты – когда никто не слышит – Сарнак согласился и вскоре они уже болтали на демонском языке как старые приятели. В конце утренней тренировки Сарнак, осмелев, спросил:

– Слушай, Ингви, я думал, что демоны гораздо сильнее людей и сражаться умеют...

– О-о, мы умеем сражаться, но только не так, как принято здесь, то есть... я хотел сказать, что мы, демоны, сражаемся не так, как люди... а, впрочем – держись! – демон, пробормотав себе под нос несколько слов, прыгнул вперед, одновременно нанося рубящий удар, один из тех несложных ударов, которые он уже успел освоить.

Сарнак привычным движением выбросил навстречу свое оружие, в полной уверенности, что легко парирует несложный выпад хилого противника, как вдруг... почувствовал, что летит наземь, не в силах сдержать неожиданно мощный удар.

Ингви, горделиво выпрямившись и положив меч на плечо, пояснил сидящему на земле противнику:

– Я, конечно, использовал магию и добавил силы своему удару, но ведь одной силы мало! Я прекрасно это понимаю и потому хочу научиться биться по-настоящему. Ладно, на сегодня хватит... Идем, перекусим, и займемся верховой ездой...

С верховой ездой у демона дела обстояли еще хуже, чем с фехтованием – он совершенно не знал как обращаться с лошадьёю. При этом он не мог скрыть смущения и все время неловко пытался шутить, Тем не менее, с присущей ему рассудительностью, проявлявшейся во всех его начинаниях, Ингви потребовал, чтобы Сарнак начал обучение с азов и показал, как ухаживать за животным. На королевской конюшне ему подобрали небольшого смиренного конька вороной масти (на этом демон настаивал особо) – и учеба началась. В общем, все шло неплохо, король вполне держался в седле, пока его Уголек – так звали коня – шел шагом. Однако дальше, стоило перейти на рысь – Ингви неизменно летел на землю. Уголек тут же останавливался, фыркал, качал головой, как бы укоряя неумелого наездника, тот быстро вскакивал, сердито отряхивался, смущенно шутил – и все повторялось сначала. Пришлось применить стремяна, хотя Сарнак говорил, что учиться нужно без стремян – сначала, дескать, нужно научиться держаться в седле без них, а уж потом... Но пришлось признать, что хорошим наездником демону, видимо, стать не удастся...

С гораздо меньшим воодушевлением, чем благородными науками, король занимался хозяйственными вопросами. Впрочем, особо заниматься было нечем – время сбора податей еще не подошло, а статья расходов была только одна – Альхелла, королевский дворец.

Демон провел ревизию счетов, представляемых к оплате еженедельно и потребовал у канцлера сократить расходы.

– Но, ваше величество, у нас нет никаких лишних трат...

– Есть – у нас слишком много слуг, я не нуждаюсь в таком их количестве!

– Так что же, – канцлер уже знал, что спорить с новым королем можно смело – тот был способен воспринимать аргументы, – прикажете выгнать на улицу столько верных слуг, преданно служивших прежнему королю? Им податься некуда – разве что в разбойники, а этого у нас в городе и так с избытком.

– Если придется – выгоним... Постоите-ка, давайте поступим так. – Ингви задумался, собираясь с мыслями. – Поступим так... Сейчас караульную службу у городских ворот и на улицах несут сами горожане – так?

– Да – каждый цех в свой день выставляет двадцать молодых мужчин с оружием.

– Так вот – подготовьте соответствующий указ – мы эту самодеятельность прекратим. Впредь будут выставлять не двадцать, а восемь человек – нести стражу у Северных и Южных ворот, а двенадцать человек из числа слуг – вы уж выберите подходящих – станут нашей постоянной стражей. Пусть патрулируют город по ночам, а днем – тренируются с луками и копьями вместо того, чтобы без толку шляться по дворцу. Организуйте в левом крыле для них казарму. А оплачивать их будут те горожане, которых мы освободим от службы. Заодно эти стражники и преступления будут расследовать – все равно этим занимаются дворцовые слуги. Я поговорю с нашим маршалом – пусть-ка экзаменует их время от времени на предмет владения оружием – нерадивых накажем.

Подобным же образом демон совал нос во все вопросы и всюду старался сэкономить, не брезгуя любой мелочью. Например, когда снаряжали груз в Энмар, Ингви лично проинструктировал доверенного слугу, назначенного старшим:

– ...Не выставляйте на продажу все сразу, а то цены соьете. Сначала продадите небольшую часть – выберите самое лучшее. Как только наторгуете золотых на шестьдесят-семьдесят – тут же шлите их сюда с нарочным, мне позарез нужны наличные. Потом с остальным не торопитесь – как распродадите – купите товаров, которые здесь пользуются спросом – получится выгоднее, чем везти сюда монету... Сэр Мертенк, вы подготовьте им список, чего закупить...

Впрочем, канцлеру подобная дотошность короля была по душе, иногда, выслушивая очередную идею Ингви, Мертенк даже поругивал себя – мог бы и сам додуматься... Да вот только к лицу ли такое монарху...

* * *

Да-а, мне предстоит очень тяжелые два месяца – за это время я должен не только изучить язык моей страны и «благородные науки» – верховую езду и владение оружием, которым любой местный дворянин обучен с детства – при этом я еще должен овладеть хотя бы азами местной политэкономии. Да кроме всего этого мне обязательно нужно перелопатить свою коллекцию заклинаний – проверить действие каждого. Наверняка в моем блокноте наряду с истинными магическими формулами содержится и халтура – любая наука на Земле, насколько я знаю, обрастает огромным количеством подделок, подражаний и просто-напросто конъюктурщины, а в моем случае к этому добавляется и мощный пласт суеверий, не имеющих под собой никакой основы...

Словом, режим дня у меня был тот еще... По ходу дела я узнал еще одну довольно-таки неприятную штуку: интенсивные магические упражнения здорово выматывают. Я уже говорил, что толком не представляю себе механизма действия заклинаний, но, как бы то ни было – ясно одно: от колдовства здорово устаешь. Одно дело, если произнес одно-два

несложных заклинания – тогда утомление еще незаметно, но когда я начал шпарить их одно за другим... Дело было так: после ужина, когда я все равно устал (после целого-то дня физических упражнений и уроков языка...) и решил, что больше ни на что уже не способен – я решил поупражняться с моей коллекцией, думал таким образом отдохнуть... Я заперся в большом зале, достал блокнот и приступил. После первых же проб я начал ощущать слабость, вялость во всем теле – словно только что мешки таскал... Честно говоря, я поначалу здорово струхнул – подумал, что какой-нибудь местный колдун начал против меня магическую атаку. Тут же я начал вспоминать всевозможные защитные чары – стало, пожалуй, только хуже. В общем, пока разобрался – пережил несколько неприятных минут. Лишь усилием воли я взял себя в руки и принялся анализировать свои ощущения. Другого объяснения быть не могло – моя необычайная слабость могла быть лишь следствием моей же магии – побочный эффект, так сказать... Словом, впредь я решил быть с магией поосторожнее. Это неприятное открытие здорово уменьшило мой восторг от новой жизни – выходило, что я не так уж и всемогущ... Зато порадовало меня другое открытие – я обнаружил, что янтарь обладает необычайными магическими свойствами. Даже не знаю, как описать... в общем, получалось, что янтарь можно «заряжать» магией – вроде как аккумулятор заряжают электричеством, что-ли... Здесь необходимо пояснить еще вот что: однажды наложенные заклинания не держатся вечно – например, те запирающие чары, что я наложил на потайные двери в королевской опочивальне, пришлось обновлять уже недели через две – до того их сила истаяла, иссякла. А вот янтарь способен как-бы вбирать магию, сохранять ее гораздо дольше – то есть делать заклинания куда более долговечными. Да что там заклинания – в янтаре, как выяснилось, можно собирать магическую энергию, ману, впрок – у меня даже возникла мысль мобилизовать для этого местных колдунов: представьте себе – они аккумулируют ману для меня в янтаре, а я пользуюсь ею в свое удовольствие. И никаких побочных эффектов! Конечно, это эксплуатация – но на то я ведь и король. Конечно, предстояло все это проверить тщательнейшим образом и все продумать, можно даже ввести монополию на изделия из янтаря.

Мне показалось очень странным, что магические свойства этого камня не общеизвестны, но, во-первых, здесь бытуют легенды о волшебных качествах драгоценных камней вообще (на мой взгляд – сплошное суеверие!) и, значит, на янтарь в отдельности никто особого внимания не обращал, а во-вторых – любой маг, сделавший такое открытие, постарался бы сохранить его в тайне. Это естественно – я и сам собирался поступить именно так. К тому же, янтарь здесь довольно редок...

Вот так, с открытиями на каждом шагу, я начал свое обучение ремеслу монарха и колдуна... Нельзя сказать, что меня ожидали одни трудности. Взять, например, верховую езду. Я, всю жизнь проведенный в городе, и представить себе не мог – какое это удовольствие. А мой конь, Уголек – это же просто чудо, я привязался к нему с первого взгляда. Мне даже показалось, что и я пришелся ему по душе. Может это и самообман, но я верил, что эта скотинка сочувствует мне, переживает мои многочисленные падения не меньше, чем я сам. А уж переживать было что – чего греха таить – наездником я был никудышним. Тут мне никакая магия помочь не могла, разве что в лечении многочисленных ссадин и ушибов, которые неизменно сопровождали все мои уроки верховой езды. Гораздо лучше дело обстояло с изучением языка – в этом мне здорово помогла парочка заклинаний, обостряющих внимание и укрепляющих память.

Помимо уроков, я еще занимался и кое-какими практическими делами. Для серьезных решений время настанет еще не скоро – я собирался строго выдержать два месяца, прежде чем предпринять что-либо существенное, – но кое-какими мелочами занялся с первых же дней, не откладывая. В основном это были мероприятия, направленные на экономию моих, и без того довольно куцых королевских ресурсов. Попутно я начал формировать професси-

ональную стражу – прообраз будущей постоянной армии, которую я намеревался создать взамен недисциплинированного и ненадежного феодального ополчения. В этом важнейшем вопросе торопливость была недопустима ни в коем случае, поэтому я и начал пораньше – чтобы начали привыкать. Пока что стража должна была выполнять полицейские функции, что тоже было нужно – чуть ли не четверть городского населения составлял «деклассированный элемент», то есть это были люди, не внесенные в цеховые списки, а значит – не платящие налоги и живущие разбоем, милостыней, проституцией и тому подобное. Значительный кусок городской территории занимали трущобы, где и ютилась вся эта шваль. Разобраться с ней прежние короли, не имевшие ни полиции, ни мало-мальски дисциплинированной армии, не могли – значит заняться этим предстояло мне, тем более, что у меня – демона – руки не были связаны традициями. А уж какую роль традиции играли в этом обществе – не описать! Но ничего, дайте срок, и демон Ингви это изменит. Дайте срок...

Глава 6

«...Гангмар же поначалу не показывался никому из Рожденных – ни гному, ни эльфу, ни человеку – долгие века проводил он среди болот и пустынь, им созданных, в обществе всевозможных гадов... Но с некоторых пор стал являться он в заселенные земли, приняв облик прекрасного юноши, высокого и стройного. Его волосы были черны, кожа смугла, а глаза горели золотистым светом. Все чаще стал он встречать молодых женщин и девушек в укромных уголках – в лесу ли, в пещере ли, или у реки, выбирая притом прекраснейших из всех народов Мира. Какие слова говорил он им, какие подарки сулил – неведомо, однако все они безропотно шли за ним. Поначалу никто об этом не знал, однако рано или поздно открылась правда и тогда многие вспомнили о пропавших дочерях, сестрах, подругах. Когда же родственники и друзья пропавших спрашивали Гангмара об их судьбе – тот лишь молчал и улыбался... но не было тепла в его улыбке!.. Так было!

Явное зло было еще не ведомо тогда юному миру, да недолго уже оставалось до его прихода... В те годы лучшим кузнецом среди гномов считался Стомор – а был он великим мастером! Все знали, что Гаулда – его невеста и скоро быть свадьбе. Но однажды Гаулда исчезла и случилось так, что видели ее перед тем в обществе Гангмара. И Стомор явился к Гангмару требовать свою невесту... Так было!

Сурово взглянул на гнома Гангмар – и не было больше на его лице улыбки... но промолчал по своему обычаю. Однако Стомор не успокоился и схватив за пояс обидчика – ибо невысок был гном по сравнению со своим недругом – грубо потребовал ответа. Все также молча глянул на него Гангмар сверху вниз и – ударил гнома по лицу. От этого удара гном кубарем покатился по земле, но тут же вскочил и схватив свой тяжелый молот – а был тот молот так тяжек, что и трое гномов нашего времени не подняли бы его – кинулся отомстить. Удар молота Стомора пришелся в колено Гангмару – и с трудом устояв на ногах, с громким криком тот схватил за горло и правую руку злополучного гнома, поднял над головой и держал так, пока жизнь не оставила его... И по мере того, как умирал гном Стомор – менялся облик Гангмара. Он предстал перед гномами в обличье жутком и устрашающем – смуглая кожа почернела, сильные руки превратились в когтистые лапы, стройная фигура сгорбилась, но при этом стал Гангмар ростом вдвое выше прежнего... Так с первой насильственной смертью пришло в Мир Вечное Ничто, прорвавшись наружу из души Гангмара Темного, где таилось, пока не окрепло... Так было!

По-прежнему молча, не глядя на пораженных гномов, повернулся Гангмар и неспешно ушел прочь, хромя все же на раненую гномьим молотом ногу... А гномы подняли на руки Стомора и с печальной песней понесли к своим пещерам... Закончилась юность Мира. Так было!

Узнав об этом происшествии, призвал Гилфинг Светлый своего заблудшего сына – и не узнал его, сам же он тоже изменил свой облик – был он теперь подобен старцу, величественному и мудрому...

– Как же мог ты, – спросил он Гангмара, – принести столь великое зло в Мир, что создавал вместе с нами?

– Кто бы ни создавал Мир, однако владыка у него один – я! – ответил Гангмар Темный, и вихри хаоса бушевали в его душе, заставив забыть все – и стыд, и любовь, и почтение к родителю... – И никому не даю я отчета в том, что творю в моем владении. А тебе, старик, лучше покинуть мои пределы, не то я заставлю тебя вспомнить о второй стороне твоего естества – и уж мы с тобой наплодим уродов!

И дикий, зловеющий смех Гангмара разнесся по всему Миру, заставив задрожать его. Так было!

– Что ж, сын, – молвил Гилфинг, – будь по-твоему, пора мне покинуть Мир, ибо я утомлен и должен поразмыслить о прошедшем... Однако и ты не станешь хозяином здесь, ибо в Мире останется Гунгилла – твоя сестра. Прощай!

Гилфинг покинул Мир и возвратился в свое обиталище, посреди Вечного Ничто, но народы Мира по-прежнему возносят к нему молитвы в надежде, что услышит их отец-создатель и вернется, пока же в Мире остались лишь дети его дум – Гангмар и Гунгилла... Так было!

Гангмар же рассуждал: как может сестра помешать мне стать властелином Мира? Ведь она происходит из той части естества Гилфинга, что несет в себе слабость, я же – чистая сила, потому не смог противиться мне и отец, чья сила смешана со слабостью и стало быть, даже он, породивший меня, меня же слабее...

И решил Гангмар, что отныне весь мир должен носить отпечаток его владычества и велел своим тварям распространиться по всему Миру. Так было!..»

* * *

К исходу третьей недели правления король Ингви уже довольно свободно болтал со своими приближенными на их языке, чем, впрочем, не слишком их удивил – ясное дело – демон! Скорее было бы удивительным, если бы он учился так же медленно, как и человек. Зато сам король был очень горд этими успехами и не упускал ни малейшего повода похвастаться своими достижениями. Наконец, однажды он объявил, что его познания в языке достаточны для того, чтобы показываться на людях и что он заслужил небольшой отдых. В качестве перерыва в своих упражнениях король изъявил желание совершить с Сарнаком конную прогулку по столице.

Тщеславие короля, его слабость в том, что касалось собственной внешности, была уже известна – поэтому никто не удивился, что Ингви собирался в своих апартаментах чуть ли не час. Кони были давно оседланы и выведены во двор, Сарнак давно ждал... наконец, появился король. По случаю первого выхода он оделся во все черное, монотонность его костюма нарушали лишь серебряная цепь на груди и кинжал на поясе, также украшенный серебром.

– Я должен был тщательно обдумать, в каком виде впервые покинуть дворец, – немного смущенно пояснил демон.

В ответ колдун слегка улыбнулся:

– Ну что ж, поехали...

Улицы Альды поразили демона, три недели не выходящего из тишины Альхеллы, суетой и шумом, хотя день был обычный и людей на улицах было не больше, чем всегда. К тому же, вокруг короля, где бы он ни появлялся, мгновенно образовывался островок тишины – уличные торговцы прекращали нахваливать свой товар, нищие – монотонно изливать свои причитания, горластые мещанки – перекликаться из окон, обмениваясь свежими сплетнями... Вездесущие уличные мальчишки, бежавшие следом за всадниками, норовили шмыгнуть в подворотни или присесть за лотками торговцев, стоило глянуть на них королю или его спутнику. И вообще, как только демон задерживал на ком-нибудь взгляд своих неестественно-светлых глаз – человек замирал, иногда обрывая речь на полуслове, либо старался поскорее пройти мимо, отвернувшись, нарочито демонстрируя свою занятость... Ингви обратил на это внимание Сарнака. Тот в ответ кивнул:

– Ваше величество производит сильное впечатление на подданных.

– Боятся – значит, уважают – деланно-важно заявил демон.

Спутники обменялись улыбками...

Демона интересовало буквально все – он, как ребенок, засыпал вопросами Сарнака, выясняя подробности цеховых обычаев, конъюктуру городского рынка, расположение улиц

и площадей. Город был невелик и вскоре всадники вернулись к площади перед дворцом, завершив объезд половины Альды.

Сарнак пояснил, что они не посетили ремесленный квартал, где расположены цеховые мастерские и куда по традиции воспрещен вход всем, кроме принятых мастерами в братство, да еще северную часть города – трущобы:

– ...Но туда лучше не соваться даже днем, там свой мир, свои законы... – Сарнак боялся, что его спутник потребует отправиться туда, но Ингви неожиданно легко согласился.

– Ну, что ж, тебе виднее. Кстати, для первого раза вполне достаточно, я должен обдумать то, что увидел. Возвращаемся!

Начиная с этого дня Ингви сбавил темп в своей учебе, все чаще он делал перерывы и уезжал с Сарнаком в конные прогулки сначала по Альде, затем все дальше от города, либо подолгу просиживал в королевском архиве, копаясь в старинных манускриптах. Демона интересовало все – своды законов, собрания старинных легенд, он прочел даже пару светских романов, оказавшихся под рукой. Упражнения с оружием теперь сводились к часу-полтора занятий с утра перед завтраком. Демон за это время физически окреп, его движения с мечом стали более плавными, легкими. Иногда он, желая подшутить над своим учителем, использовал магию в учебном бою и время от времени Сарнаку приходилось лететь на землю от его ударов. Зато демон не обижался, если Сарнак без предупреждения использовал какой-нибудь новый прием...

Теперь, когда король больше не нуждался в переводчике, у Сарнака появилось время задуматься о событиях последних недель. Прежде он был настолько захвачен бурным ритмом жизни Ингви – ему ведь приходилось в качестве переводчика сопровождать короля постоянно – что некогда было и продохнуть. Но сейчас молодой колдун стал все чаще припоминать события той ночи, когда демон явился в Мир... Что тогда толкнуло его отказаться от ученичества и принять предложение таинственного пришельца? В общем-то разрыв с Гельдой назревал уже давно – старый маг в последнее время не столько учил Сарнака, сколько напускал туман в свои речи – казалось, что мудреными разговорами он хочет прикрыть некомпетентность, но все же он еще многое мог бы перенять у старика... Впрочем, все важные решения, наверное, и должны приниматься именно так – на одном дыхании. Не каждый день ученику колдуна делают предложение занять пост придворного мага – даже при таком захудалом дворе, как альдийский. А ведь Сарнак, с его благородным происхождением был честолюбив и рассчитывал сделать карьеру. Что ж, приходилось признать, что он не ошибся – демон сам оказался весьма знающим волшебником и мог научить чему-либо скорее, чем Гельда-колдун. Правда и скрытен он был не менее Гельды... К тому же приходилось признать, что демон был Сарнаку просто симпатичен. Молодому магу нравилась манера Ингви шутить в любой ситуации, его критический взгляд на тонкости королевского ремесла, даже его какая-то почти детская наивность, временами прорывавшаяся сквозь плотную маску иронии и насмешливости...

Размышления мага прервал приход слуги – Сарнака звали в кабинет, где собирался королевский совет.

* * *

Совет в прежнем составе – Лорд-хранитель, маршал, придворный маг – был созван в связи с возвращением четверых слуг из Энмара с первой суммой вырученных денег (еще двое остались в городе). Они привезли важные известия – Энмар был осажден с моря пиратами.

Вот уже несколько десятков лет эти разбойники досаждали купцам и грабили суда, ходившие между Энмаром и Архипелагом. Поначалу корабли разбойников под темно-синим

флагом с белой лошадьё на нем нападали на отдельные торговые суда, тогда купцы стали собираться в большие караваны, способные дать отпор – и немало пиратов отправились на дно к Морскому царю, которого они чтили. Теперь же – рассказывал Джамен, старший из вернувшихся слуг – пираты собрали целый флот:

– ...Когда они появились перед Энмарской гаванью – чуть ли не двадцать кораблей – эти купчишки здорово струхнули. Никто и помыслить не мог о том, чтобы выйти из порта и дать им бой...

– На каждом корабле – больше шестидесяти воинов, то есть их, должно быть с тысячу, а то и больше, – перебив слугу, пояснил маршал Валент. Он, как военный специалист, считал нужным вставить свое слово.

Король, слушавший, задумчиво подперев голову рукой, кивнул рассказчику – дескать продолжай.

– ...Ну так вот, они, энмарцы значит, заперли гавань цепями и нос из города не совали. Ночью все их городские колдуны пытались вызвать бурю, – при этом демон понимающе покивал, – да только не больно-то у них вышло. Всю ночь дождь лил, ветер то поднимался, то стихал, а наутро пол-города на стены высыпало смотреть – глядь, а разбойники тут как тут. Досталось им, конечно, помочил их ливень, однако с якорей не снялись... Говорят, что колдуны между собой переругались – одни хотели вызвать восточный ветер, чтобы прогнать разбойничьи корабли в море, другие говорили, что, дескать, пираты все равно вернуться – нужно западный ветер вызвать и погнать их на скалы и на цепи, которыми гавань закрыта... И вот то ли помешали колдуны друг дружке, то ли и впрямь Морской царь своим слугам помог – а только ничего у колдунов не вышло. Ну, в Энмаре, понятное дело, не до нарядов стало – потому и у нас дела ни с места... Три дня так прошло – а на четвертый разбойники на берег высадились. Их никто не ждал, а они на рассвете показались к северу от Энмара – человек триста, а может и все пятьсот и – пока энмарцы в затылках чесали – прошли по всему, считай, побережью. Сожгли, разграбили вдоль берега все – и опять на корабли вернулись. Так что крестьяне перепугались – кто в горы сбежал со скарбом и со скотиной, а больше – в Энмар, за стены прятаться... Ну, а мы-то наторговали к тому времени пятьдесят шесть золотых. Вижу я такое дело – не пойдет у нас торговля, оставил Мекора и Томена Черного товар стеречь, денег им оставил, а мы вчетвером сюда. Меньше, чем вчетвером, боязно – не морские разбойники, так свои, местные подстеречь могли... А деньги – вот они – пятьдесят монет, – Джамен указал на лежавший на столе мешочек.

– Ну что ж, Джамен, ты все исполнил верно, – нарушил тишину король, – все верно... Можешь идти отдыхать, да скажи своим людям – пусть помалкивают. Эти новости не должен узнать никто.

Демон потирал руки и чуть ли не подпрыгивал от нетерпения, пока дверь за слугой не закрылась, затем с улыбкой обвел взглядом свой совет:

– Ну что, господа, кажется, вся эта история дает нам возможность пополнить казну королевства – как по-вашему?

Приближенные удивленно молчали, наконец первым осмелился спросить канцлер:

– Простите, ваше величество, но я не вижу здесь ничего кроме убытков – вряд ли энмарцы станут теперь думать о нарядах...

Перехватив удивленные взгляды своих советников, Ингви перестал улыбаться и слегка даже обиженным тоном принялся развивать свою мысль:

– Ну как же, подумайте сами, господа – ведь Энмар теперь как-бы в осаде, да к тому же в город сбежались толпы крестьян с семьями. Мало того – пираты разорили часть сельскохозяйственных угодий. Я уже не думаю об одежде, по-моему, стоит отправить в Энмар караван с продовольствием – в осажденном городе с разоренными окрестностями всегда дорожают продукты. Важно только, чтобы никто кроме нас не знал о нападении разбойников.

Вас, маршал, – демон никогда не забывал назвать рыцаря его новым званием, так как знал, что тому было приятно, – я попрошу вот о чем – перекройте границу с энмарской областью, чтобы никто и ничто не проскользнуло, поверьте, это важно. А вы, сэра Мертенк, займитесь подготовкой остального.

– А что, если разорив окрестности, разбойники отплывут – ведь взять город им не под силу? – спросил осторожный Мертенк.

– Да, риск есть, но продукты в Энмаре подорожают в любом случае – ведь погибла часть урожая на полях, если я правильно понял. Так что за дело!

После окончания совета Ингви, идя с Сарнаком по коридору, говорил, все еще не оправившись от возбуждения:

– Ты представь себе, эти разбойники собрали такой флот, организовали осаду, причем действовали упорно и слаженно – и все ради того, чтобы сжечь несколько крестьянских и рыбацких хижин? Нет, они никогда раньше не воевали сообща – я специально проверил все, что известно об их нападениях, в этот раз их, видимо, объединил какой-то сильный предводитель. Я думаю, осада продлится некоторое время и мы славно подзаработаем. Ведь скоро истекнут два месяца и я хочу отметить праздником свое вступление в королевские права – а это стоит дорого!

Глава 7

«...Однако твари Гангмара не смогли изменить облик Мира – они поселились в нем рядом со зверями и птицами Гунгиллы, тех же, которые были особо опасны, без пощады истребляли люди, гномы и эльфы.

– Вот видишь, братец, – смеялась Гунгилла, – сила жизни – у меня, а даже твои твари – это жизнь! И к тому же мои дети сильнее!

– Ну что ж, – ответил Гангмар, – я подумаю над этим... – И скрылся на много лет... Так было!

И вот однажды открылось тайное убежище Гангмара и оттуда вышли орки, которые до тех пор скрывались в глубоких пещерах, никем не замечаемые. Вывел их сам Гангмар Темный – ужасен стал его облик, некогда золотые его глаза стали подобны глазам змеи, но все так же хромал он на раненую молотом Стомора ногу... И были орки привычны к труду под землей и выносливы, как гномы, привычны к долгой пешей ходьбе как эльфы, привычны к владению оружием, как люди. Это новое племя было жестоко и воинственно и сразу принялось нападать на народы Мира, убивая и изгоняя их...

– Посмотри-ка, сестра, – смеялся Гангмар, – как мои дети избивают и гонят твоих! Посмотри, какой народ я создал! Близка моя победа!

– Ты как и прежде не создал ничего, а лишь искажил и извратил то, что создано мною, – отвечала Гунгилла, – но и это жизнь! Посмотри, как ласково баюкает мама-орчиха свое дитя, как сильна в ней моя сила, сила жизни!

– Да, – откликнулся Гангмар, – это жизнь... Но я подумаю теперь, как создать живую не-жизнь, которая изгонит жизнь из Мира.

И вновь на многие века скрылся Гангмар с лица Мира, однако орки остались и вели жестокие войны с эльфами и гномами, люди же тогда были малочисленны и слабы... Так было!

Долго шли войны и все чаще побеждали в них орки. Легкие стрелы эльфов отскакивали от железных доспехов врага, гномов же орки сами засыпали стрелами из своих коротких луков. А надо сказать, что гномы не любили стрелять и лучниками были плохими. Люди же были воинственны и отважны. Их было слишком мало, чтобы бороться с врагом своими силами – потому они шли служить наемниками к эльфам и гномам. И тем, и другим, говорили люди: „Эльфы и гномы, сражайтесь вместе! Один у вас враг – орки!“

И вот однажды пошли на врага дружины гномов в прочных латах под прикрытием метких эльфийских стрел и рядом с ними верхом на конях мчались воины-люди – дрогнули орки! Повсюду бежали они... Так было!

Но вновь явился в Мир Гангмар Темный. И опять раскрылись потаенные пещеры – и вышли на поверхность из них тролли, щурясь на не виданный ими прежде свет. Были они могучи, хотя и неулюжи, шкура их была крепка как камень, но были тролли лишены разума. Так было!

– Посмотри, сестра! – воззвал Гангмар Темный, – вот не-жизнь, которая сильнее жизни. Посмотри!

И в ответ серебряными колокольчиками зазвенел смех Гунгиллы:

– Да, братец, достойных же свидетелей своей победы ты избрал! И впрямь посмотрим, как мои дети управятся с твоими любимцами! Ибо несложно победить их, неразумных...

Действительно, легко одолевали дети Мира громадных противников. Ловкие эльфы опутывали медлительным троллям ноги прочными веревками – и рухнувших колоссов крушили гномы тяжелыми молотами... А часто летел наземь тролль, не выдержав силы удара рыцарского копья...

Однако спокойно глядел на это Гангмар и сказал:

– Да, слишком рано вышли из пещер мои тролли, не созрел еще мой урожай... Но под солнцем Мира он созреет быстрее. Долго ждал я – подожду еще... – И хромая, удалился в одно из своих тайных укрытий додумать свои черные черные мысли. Так он и думает до сих пор...

Тролли же и впрямь менялись под солнцем Мира. Подлинной мудрости у них не появилось, но стали они все же довольно разумны и заключили союз с орками. Эльфы же с гномами рассорились и не понять теперь – кто тому виной... Эльфы говорят, что гномы сводили леса, получая уголь для своих многочисленных кузниц и вырубали как-то даже священную рощу эльфов, под сенью деревьев которой встречал некогда Гилфинг Юный Гунгиллу в баснословные времена. И говорят эльфы, что гномы копят воздух Мира и мутят его воды не хуже гангмарова отродья и чинят эльфам многие обиды... Гномы же кичатся тем, что молот Стомора, Храбрейшего Гнома, нанес неизлечимую рану Врагу Мира, они высокомерны и впрямь они способны нанести обиды и оскорбления, в которых их винят эльфы...

И пока вели между собою смертный бой эльфы и гномы, пока в потаенных пещерах копил силы враг, росли силы народа людей. По примеру своих прежних союзников избрали себе люди королей и велика стала власть и могущество тех королей... И росла также мудрость рода людского – стала им подвластна магия, колдовство кудесников-людей повелевало стихиями, что прежде доступно было лишь Гилфингу и его детям. Так было!..»

Ингви аккуратно закрыл фолиант и с тяжелым вздохом отодвинул его. Затем откинулся на стуле и, заложив руки за голову, тяжело вздохнул. Любопытная история, ничего не скажешь...

* * *

Демон оказался прав – осада Энмара разбойниками продолжалась, и к тому времени, как снаряженный Мертенком караван под надежной охраной прибыл в город, продукты там основательно вздорожали. Альдийцы с большой выгодой распродали все за несколько дней и уже собирались возвращаться, когда Верховный Правитель Энмара вступил наконец в переговоры с предводителем пиратов. Джамен, вновь возглавлявший альдийцев, принял решение задержаться на время переговоров, чтобы потом доложить королю об этом необычайном событии. Впрочем, половину денег он отправил в Альду – вновь под охраной четырех хорошо вооруженных слуг.

Энмар – город купцов, процветавший за счет торговли – не мог долго выдерживать морскую блокаду, делавшую бесполезными все могучие укрепления, возведенные энмарцами на суше. Все прежние войны – ведшиеся против орков и троллей и изредка против эльфов и гномов – проходили совершенно иначе. Никто из народов Мира не имел флота достаточно сильного, чтобы осадить Энмар с моря и город был совершенно не подготовлен к такой войне. Продолжение осады грозило разорением высших слоев энмарского общества и бунтом бедноты. Поэтому после двух недель ожидания городской совет, под председательством Верховного Правителя заседавший всю ночь, решил вступить в переговоры с разбойниками.

Время от времени, пока шла блокада, пираты предпринимали вылазки на берег – отрядами по несколько сот человек они на рассвете приплывали на лодках и прочесывали окрестности города, захватывая на берегу все что было мало-мальски ценного. Две последние их вылазки закончились неудачно – энмарская конница отбрасывала врагов к морю, однако оба раза была вынуждена отступить, попадая под обстрел лучников из лодок. Во время последней схватки был захвачен пленный – теперь его отправили в лодке к разбойничьей флотилии с предложением начать переговоры. Через два часа после этого лодка вернулась – в ней

сидели два энмарца, попавшие накануне в плен. Они сказали, что вожди разбойников, посоветовавшись, согласились.

На следующий день, в полдень от пиратского флота отделился маленький корабль и направился к порту. Цепи, которыми запирался вход в гавань, были опущены, пропуская послов, затем вновь подняты. На башнях дежурили лучники, на набережной выстроились вооруженные энмарцы в кольчугах и шлемах – Верховный Правитель опасался подвоха... Кораблик подошел к причалу, с него бросили канаты.

За спинами воинов на набережной толпились горожане – всем не терпелось посмотреть на грозных разбойников, которых почти никто не видел еще так близко. И вот с корабля на причал стали перепрыгивать высокие черноволосые люди в рогатых шлемах, вооруженные деревянными щитами и тяжелыми секирами. Густые черные волосы были заплетены в толстые косы, маленькие черные глазки настороженно разглядывали вооруженных энмарцев. Предводитель пиратов отличался тем, что был вооружен длинным мечом и одет в добротную кольчугу, несомненно гномьей работы. Его и сопровождавших его воинов окружили стражники и увели к Дому Совета...

* * *

– ...Значит все-таки Верховный Правитель согласился заплатить выкуп?

– Да, ваше величество, – рассказывал Джален, – ему ничего не оставалось. В городе назревал мятеж, а Верховный правитель боится своих больше, чем разбойников. Вот он и склонил остальных членов Совета заплатить пять тысяч золотом...

– Огромные деньги! Неужели в городской казне нашлась такая сумма наличными?

– В том-то и дело, ваше величество, что наличных в выкупе почти не было – разбойникам платили золотыми украшениями, драгоценностями, дорогими одеждами. Кстати, мы весь свой товар и продали Энмарскому Совету – тут-то уж они платили звонкой монетой. В народе говорили, что самый могущественный из городских колдунов, Сопкон-Рубин, глядел в хрустальный шар и видел главного вождя разбойников. Этот вождь сумел объединить других предводителей под своим началом, но многие из них им не довольны. Вот Сопкон и измыслил такую штуку – расплатиться дорогими товарами. Если, скажем, заплатить выкуп звонкой монетой, то разбойники легко добычу поделят: начальнику – столько-то монет, простому гребцу – столько-то... А так, глядишь, передерутся разбойнички – кому какая вещь достанется. А ежели передерутся – то и не смогут больше такое войско собрать...

– Да, мудро, этот Сопкон, я вижу – малый не промах!

– Могущественней Сопкона-Рубина нет в Энмаре колдуна. Потому его и Верховный Правитель слушает. Его мудрость всем известна. Да купцы тоже своего не упустили – чтобы с разбойниками расплатиться – городская казна взяла займы у них, да под большой процент! Эти и на войне руки погрели неплохо.

В ответ раздалась смешки – жадность и пронырливость энмарских купцов были излюбленной темой для насмешек их соседей – альдийских дворян, впрочем завидовавших богатству энмарцев.

Когда, закончив доклад, Джален ушел, король сказал:

– Этот слуга – настоящая находка. Лорд-хранитель, я думаю, он заслужил хорошей награды. Подумайте, как его вознаградить. Однако, к делу – нам предстоит решить много вопросов. Скоро истекают два месяца моего пребывания в Альде и я собираюсь отметить свое окончательное вступление в королевские права достойным праздником. Кажется, я задолжал этот праздник своему народу. Теперь казна полна и я могу этот должок вернуть. Господа, я все еще не знаком с обычаями Альды – мне потребуются ваши советы насчет организации праздника. Мы устроим турнир, всякие развлечения для простонародья... В

общем, все, что положено. А сейчас нам предстоит еще одно, менее приятное дело. Я обещал вам, маршал, взглянуть на плененных вами орков – до сих пор руки не доходили, а теперь, пожалуй, можно. Прошу вас, господа, сопровождать меня в этом походе!

Королевский совет в полном составе спустился в темницу, расположенную в подвалах Альхеллы. Их сопровождал тюремщик с факелом, словоохотливый мужичок, дававший пространные пояснения по каждому поводу – было заметно, что он рад похвастать своим хорошо налаженным хозяйством:

– ...А вот и сами темницы, ваше величество... Вот они самые и есть... Здесь у нас воришки, значит, третий день сидят...

– И долго ли они так просидят? – прервал болтуна король.

– Пока за них выкуп не внесут – по три золотых за каждого, да по два гроша за каждый их день в тюрьме.

– И кто же за это отребье вносит выкуп? – Ингви брезгливо ткнул пальцем в сторону решетки, за которой на свежей соломе уютно расположились двое оборванцев довольно мерзкого вида.

– Известно кто, ваше величество – дружки ихние.

– В северном квартале – пояснил Сарнак – свой мир, я уже говорил вашему величеству. Там что-то вроде еще одного городского цеха – цех воров. У них свои законы. Если кто-то из их братии пойман на горячем, вот как эти двое – их цеховой старшина внесет за них выкуп – это единственный налог, который платит этот цех казне. Если же пройдет тридцать дней, а выкуп не внесен – преступники переходят в собственность короны, становятся рабами. Таких, как правило, продают на площади тому, кто заплатит дороже...

– Точно так, мои прекрасные господа, точно так, – подхватил тюремщик, – у нас с этим строго, у нас порядок... А вот там, за поворотом – самые орки у нас и сидят, там у них помещение... Да... – тюремщик завозился со связкой ржавых ключей, отпирая замок решетки, отделявшей следующий коридор...

Пока дверь отпирала, члены королевского совета озирались вокруг. Король, поджав губы, задумчиво качал головой – придворные знали, что это признак недовольства, Сарнак сохранял полное спокойствие, к которому его приучила профессия колдуна, маршал с тоской рассматривал стены и решетки – ему приходилось то и дело пригибаться, чтобы не задеть макушкой низкие своды, налокотники его доспехов постоянно за что-нибудь царапали. Один канцлер бывал здесь не раз прежде и держался свободно. Наконец, дверь была отперта и процессия проследовала дальше, в еще более мрачный коридор, по стенам которого зловеще металась тени и тусклые отблески пламени факелов.

– Вот они, ваше величество, вот они самые орки и есть, – радостно провозгласил тюремщик, поднимая факел повыше.

В неровном дрожащем свете в глубине большой камеры завозились, задвигались небольшие фигуры. Ингви пригляделся повнимательнее – это были не люди...

Глава 8

...Это были не люди. Честно говоря, я был поражен. Я читал старинные предания этого странного мира, там фигурировали гномы, эльфы, орки – но мне и в голову не приходило, что речь идет о разных видах разумных существ. А может и не видах – я не силен в биологии, но, во всяком случае, различие между орком и человеком оказалось пожалуй больше, чем, скажем, между представителями разных рас людей Земли. В камере находились существа несомненно гуманоидного типа – то есть с двумя руками, двумя ногами и головой, сложение в общем-то почти не отличалось от человеческого, но принять их за людей было никак не возможно. Кожа этих орков была зеленоватой, слегка раскосые темные глаза (здесь вообще мир темноглазых), черты лица, строение рук – все было неестественным с точки зрения человека – этакие типичные марсиане из старого фильма.

Как только орки заметили нас – в их камере началась какая-то суэта, узники сбились в кучку в одном углу и продолжали копошиться там, все время бросая тревожные взгляды в нашу сторону.

– Чего это они? – спросил я.

– А это они, извольте видеть, ваше величество, бояться! – тюремщик этот был болтун и, видимо, стосковался по слушательской аудитории, так что пояснения полились из него рекой, – при старом-то короле Манонге каждую неделю одного из них брали – и на казнь! Народу развлечение – каждое воскресенье на площади толпа ждет. Вот они, значит, и бояться, что опять одного...

– Да, понятно... И как же вы выбирали, кого казнить, если они в угол со страху прячутся?

– Они, с позволения вашего величества, не прячутся – они князя своего в угол поволокли прятать – вон того. А на казнь сам вышел вот этот, махонький.

В самом деле, теперь я разглядел – один из орков (самый старший на вид) отделился от общей кучи-малы и выступил вперед, тогда как остальные держали самого рослого, который, впрочем, отбивался и кажется не хотел, чтобы его спасали. Не знаю, как моих спутников, а меня такое поведение пленников очень тронуло. Я представил, что оказался в подобной ситуации с моими вассалами – вряд ли меня пытались бы спасти так самоотверженно. И еще одно меня удивило – это на редкость бесчеловечное отношение к пленным – в этой камере условия были гораздо хуже, чем в предыдущей – гнилая солома на грязном полу, сырость, по стенам стекает вода... А ведь здесь сидели военнопленные, причем учтите – в этом обществе военное сословие окружено почетом. Впрочем, не знаю – можно ли употребить слово «бесчеловечный» по отношению к не-людям...

Вид у орков был довольно-таки жалкий, что, впрочем, неудивительно в таких условиях. Боюсь, я дал волю чувствам – отругал тюремщика, приказал ему перевести узников в лучшую камеру и дать им возможность привести себя в порядок. Затем подойдя к решетке сказал оркам:

– Не бойтесь, казней больше не будет.

Те молчали, впрочем я и не ожидал, что они кинутся меня благодарить... просто я находился все еще под влиянием нафантазированной мною сцены – я с моими приближенными накануне казни. Не знаю, какие эти орки злодеи, но хранить верность предводителю они умели – даже если этот предводитель привел их к поражению и плену.

– Они хоть понимают по-вашему? – спросил я Валента, запоздало сообразив, что у орков может быть другой язык.

Ответ я получил из камеры – ко мне обратился «князь»-орк:

– Да, мы говорим на этом языке, благородный человек, прости, если назвал тебя неправильным титулом и позволь узнать его, дабы выразить свою признательность.

– Верно, ты назвал меня неправильно, – как же я обожаю такие моменты! – ибо я не человек.

– Ты говоришь с демоном Ингви, – вмешался Сарнак, – королем Альды.

* * *

На обратном пути из темницы демон был молчалив и задумчив, зато маршал Валент, обычно немногословный, болтал за двоих. Видно было, что мрачное подземелье сильно подействовало на бравого вояку и теперь он с облегчением принялся подробно описывать схватку, в которой одолел и пленил этих орков:

– ...А надо вам сказать, что было их больше сорока, в последнее время нечасто встретишь такую крупную банду. Их теперь и по сорок-то не набирается. Ну, я своим командую: «Вперед!» – и мы галопом на них! Я ведь не зря их два дня, считай, выслеживал – подстерегли мы их на ровном месте, так что им деться некуда было – ни в лесу укрыться, ни в пещеры какие... Ничего им не оставалось – только драться. Нас пятнадцать, все на конях, все в доспехах, да с разгону... Мы пока до них доскакали – как раз цепью развернулись, чтоб друг дружке, значит, не мешать – и пошла работа! Сначала при первом натиске копьями их, потом мечами. А этот-то, «князь» – хороший боец. Сразу понял, что им всем не уйти. Он им скомандовал, я заметил – десятка полтора сразу бегом ударили от нас, а он с остальными пытался нас остановить, да где им... Впрочем, тех которые сразу убежали, мы уже не догнали. А «князь» этот моего оруженосца с коня свалил – до сих пор парень не оправился, да и еще одного латника потом...

– И что же, – поинтересовался Сарнак, – они не заметили, что вы их два дня выслеживали?

– Да вроде что-то они заподозрили, потому и держались поближе к перелескам, но там место такое попало, что им хочешь – не хочешь, а пришлось переход по полю сделать...

Затем, во время продолжения совета, король также помалкивал, хотя было видно, что он слушает внимательно. Впрочем, говорить ему было вроде и нечего – придворные обсуждали будущий праздник, заранее смакуя подробности. Ингви молча сидел, поглядывая на говоривших и время от времени делал пометки мелом на грифельной доске, которую с недавних пор приспособил для записей на память – бумаги этот мир не знал, а пергамент был слишком дорог для такого дела. Когда, наконец, после часа обсуждений фантазия придворных иссякла, король объявил, что расходы на такой праздник по его прикидкам находятся в пределах суммы, которую он решил потратить и обсуждать больше нечего. Затем он, как всегда поблагодарив, отпустил придворных. По обыкновению Сарнак задержался и посмотрел на короля – тот все так же задумчиво сидел в кресле, задумчиво черкая мелом по доске.

– Послушай, Ингви, я вижу у тебя из головы не идут орки.

– Да... мне нужно кое-что обдумать, – к этой излюбленной фразе короля Сарнак уже привык и потому спокойно ждал продолжения, – что-то здесь не вяжется. Пожалуй, мне нужно поговорить с этим предводителем орков...

Через полчаса орка привели в кабинет. Когда доставившие его вооруженные охранники скрылись за дверью, король кивнул на стул:

– Садись, я надеюсь, что разговор у нас будет долгий. – Орк, гремя кандалами осторожно сел на указанное место. – Для начала назови мне свое имя – кто я такой ты уже знаешь. У тебя ведь нет причин скрывать свое имя?

– Я Кендаг, единственный сын и наследник Могара, Лорда Каменных Ступеней, пятого из семи иерархов моего народа! У меня нет причин скрывать свое имя – оно ничем не запятнано и покрыто славой!

– Да, верно, рыцарь, пленивший тебя, слывет первым бойцом этого королевства и он сказал, что ты доблестно бился. Однако, как видишь, ты все же побежден и в плену. Мои советники доложили мне, что орки как правило терпят поражения, однако продолжают эту войну. Так почему вы до сих пор не попробовали заключить мир?

– Мир между орками и людьми? Это невозможно!

– Возможно даже это, но сейчас речь идет не о мире с людьми, а о мире со мной – а ведь я не человек!

Орк был явно растерян и промедлил с ответом, тем временем король продолжал:

– Ты ведь знаешь, что земли людей поделены на разные владения, которые подчас воюют между собой. Я же говорю о мире между моим королевством и вами, орками. Кстати, я даже не знаю, кто у вас главный, с кем можно заключать такой договор. Расскажи-ка мне об устройстве вашей жизни. У вас есть монарх?

– Странные речи ведешь ты, демон... Что ж, я расскажу тебе об орках. Правит нашим народом король, он же Лорд Священной Залы – Анзог IV. Это великий монарх и власть его не менее велика, чем власть любого из ваших королей... то есть я хотел сказать – из королей людей. Мы не просим мира и не попросим никогда, потому что людям не победить нас – так учат мудрейшие! Благословение Ганагамара лежит на нас – а значит, нам суждена война с людьми.

– Так, значит, вы тоже верите в Гангмара и других богов, о которых написано в легендах людей!

– Да, мы знаем о Ганагамаре Черном и Гилифинге Белом, которые вели спор за Прекрасную Гунгиллу и победил Ганагамар, изгнавший своего врага из Мира. Мы же орки, его дети и нам суждена война с людьми.

– Ну почему же суждена – ведь эта война безнадежна! Подумай сам – я вот подсчитал сегодня: в течение года примерно двадцать ваших отрядов по тридцать-сорок воинов пытаются проникнуть в Альду – и едва сотня орков возвращается из похода назад! Вы ежегодно теряете чуть ли не семьсот мужчин! Никакой народ не может себе такого позволить!

– Ну что ж, король-демон, ты был добр к нам и, похоже, впрямь стараешься понять нас – я расскажу тебе о моем народе. Послушай же о Детях Трех Богов и Детях Трех Народов!

* * *

«Сам я не силен в этой премудрости – я воин, но как потомок одного из первых родов королевства я, разумеется, знаком с историей моего народа. Известно, что Гилифинг Белый задумал населить Мир своими потомками, порожденными им в союзе с Гунгиллой, Ганагамару же Черному, который был младше его и поначалу слабее, он запретил изменять Мир, так как желал сохранить его таким, каков он был создан для двух Первых народов – эльфов и гномов, потомков Гилифинга. Однако Ганагамар не смирился и, укрываясь в тайных убежищах, измышлял способы победить соперника... Он собрал прекраснейших дев и жен всех народов Мира и от него они породили нас – орков. Потому мы и зовем себя Детями Трех Богов и Трех Народов...

Затем Ганагамар победил и изгнал из Мира своего врага и позволил оркам, своим детям, выйти на свет, ибо ранее боялся за нас. Высшая мудрость и справедливость нашего отца в том, что он, самый могучий в этом мире, не вмешивается в наши распри с потомками Гилифинга, хотя легко мог бы победить их. Лишь одно позволил он себе: видя, что эльфы и гномы призвали на помощь людей – он сотворил и нам в подмогу народ троллей, народ

поначалу неразумный и подобный детям в своей простоте... Мы же, как старшие братья, опекали и учили троллей... Однако в итоге долгих войн мы убедились, что люди – сильнейший из народов Мира. Видимо, в этом и есть высшая мудрость Ганагамара – он показал нам, своим детям, образец, к которому должно нам стремиться. Мы же, орки – единственные, кто способен заключив браки с людьми (как, впрочем и с эльфами, и с гномами), производить на свет полноценное потомство. Потому мы и стараемся породниться с родом людей, потому и берем себе в жены их женщин. Я знаю, что среди людей ходят нелепые рассказы об этом, но клянусь – эти женщины счастливы в браке с лучшими из моего народа, они окружены почетом и уважением. Моя мать, бабушка, прабабушка и далее – в шести поколениях – дочери человеческого рода и я уже близок к образцу, данному нашим отцом – Ганагамаром Черным... но, видимо, на мне и прервется мой род...

Не сразу постигли мы эту мудрость, долго жил в неведении наш народ, однако однажды, более двухсот пятидесяти лет назад, явился меж нами некто, назвавшийся сыном Ганагамара и указал нам цель – стать подобными людям! Был он великий пророк и чудотворец – и великий воин к тому же... Он повел нас на Великую Войну и победа клонилась в нашу сторону, пока не встали во главе наших врагов люди. Мы тогда на собственной шкуре убедились в мудрости нашего отца, давшего нам такой пример для подражания – люди сплотили наших врагов, эльфов и гномов, люди же совратили троллей, заставив служить себе и подтолкнув тем к измене Ганагамару... Горек тогда был удел рода орков...

Сын Ганагамара привел остатки моего народа в неприступную твердыню, что мы зовем Короной Ганагамара, а люди – Черной Скалой. Наш вождь сказал нам тогда: „До срока явился я в Мир и потому уйду. Вы же останьтесь под этими священными сводами, что будут неприступны для врага и не забудьте о своей цели – стать подобными людям. Благословение Ганагамара с вами!“ – и с тем покинул нас. Так и вышло по его слову – наша крепость была неприступна для врагов и благословение Ганагамара навеки с нами, ибо из каждых десяти младенцев-орков, родившихся под сводами Короны лишь три – девочки, а семеро – мужского пола. Потому трое из семи этих мальчиков женятся на девушках-орках и займутся мирным трудом, а четверо станут воинами и добудут себе жен-людей, либо сложат головы в этом походе... И так до тех пор, пока не перемешаются кровь орков-воинов и женщин человеческого рода и тогда обновленный наш народ вновь сможет покинуть стены своей крепости и выйдет, победоносный, под солнце Мира...

Теперь ты видишь, демон, что мир между нами и людьми невозможен, ибо такова воля Ганагамара, возвещенная нам его сыном...»

Глава 9

Элевзиль II, император Великой империи людей, как и обычно в этот час, беседовал с архиепископом Кениямерком, главой ортодоксальной Церкви империи. С возрастом император все менее интересовался государственными делами, сваливая текущие заботы на своих сановников и все более отдавался теологии, которая влекла его с молодых лет. Император с тоской думал о том, как могла бы сложиться его жизнь, не унаследуй он престол. Наверняка сейчас он, а не его кузен Кениямерк, возглавлял бы Церковь, он получил бы соответствующее образование и ему не пришлось бы теперь, когда память уже не та и разум не так ясен, как в молодости, познавать азы теологии. Впрочем, ему, императору, грех жаловаться – к его услугам все достижения подданных в этой области и сам глава Церкви ежедневно является наставлять его в науке наук...

– ...Итак, кузен, вы говорите, что в последнее время лучшие умы нашей церкви склонны воспринимать божества не как личности, но как абстрактные символы. Не идет ли это вразрез с ортодоксальным учением?

– Отнюдь, ваше императорское величество, отнюдь. Мы полагаем, что в старинных легендах под понятиями Гилфинга, Гангмара и Гунгиллы подразумеваются – в зашифрованном виде – силы природы или, если угодно, мировые принципы бытия. Вы сами вскоре убедитесь, что в таком виде старинные предания лучше объяснимы и более того – приобретают гораздо больший смысл. К тому же, как я уже говорил, отцы нашей Церкви не проповедуют эту доктрину широкому, как говорится, кругу. Наша паства в большинстве своем не готова к подобному. Большинству верующих недостает образования и широты взглядов, чтобы правильно осмыслить эту теорию. Этому большинству проще знать, что Гилфинг Светлый, создатель Мира – это доброе существо, наделенное огромной силой, а Гангмар темный – злое. Зачем им больше? Да и как объяснить какому-нибудь крестьянину или даже благородному, но неграмотному рыцарю, что такое «абстрактный символ»? Нет, пусть уж лучше крестьянин пашет землю, а рыцарь машет мечом, вознося молитвы Гилфингу Светлому, а мы будем думать за них...

– М-да, так вы говорите, кузен: «Гилфинг Светлый, создатель Мира – добро, а Гангмар темный зло»?

– Нет-нет, ваше императорское величество, не так прямолинейно. Что касается Гилфинга, то трактовка этого образа вызывает и сейчас горячие споры среди теологов. Неспроста Гилфинг во всех легендах числится покинувшим Мир. Как трактовать образ Гилфинга – один из сложнейших вопросов теологии и мы вернемся к нему позднее. Скажу лишь, что я склонен считать Гилфинга не самостоятельным понятием, а мерой соотношения влияний его детей. Сегодня же я собирался ознакомить ваше императорское величество с трактовкой образов Гангмара и Гунгиллы.

– Так, значит Гунгилла и Гангмар – это символы мирового Добра и мирового Зла?

– Нет, это слишком упрощенный подход. Современная теология понимает Гунгиллу как символ мирового порядка, а Гангмар – носитель внемирового хаоса. Можно сказать, что Гангмар – это идея энтропии. Мы понимаем эти понятия не как добро и зло, а как статичность и подвижность, что ли. Добро – равновесие этих двух сил, зло же – если какая-то из них начнет превалировать.

– Это довольно сложно...

– Да, это сложно, но я постараюсь пояснить свою мысль простым примером. В качестве мирового порядка я возьму стадо оленей. Итак, стадо оленей пасется в лесу – ситуация статична. Кстати именно таким создавала мир Гунгилла, согласно преданиям. Допустим, какое-то животное больно, со временем оно заразит все стадо и в итоге – гибель всей

системы. Но вот на сцене появляется Гангмар в лице волчьей стаи. С точки зрения оленьего стада волки – это внемировой хаос, посторонний элемент. Что же происходит? Олени бегут, волки их преследуют... Большой олень постепенно отстает от стада, волки настигают его и убивают. Это зло? Но стадо тем не менее спасено от эпидемии – система вновь стабильна на новом уровне. Я нарочно привожу банальный пример, однако он как нельзя лучше поясняет мою мысль. Порядок и добро, хаос и зло не тождественны, отнюдь! Добро – в равновесии, зло – в дисбалансе! Что-то в этом духе писал еще блаженный Мерк, но, разумеется, он не рисковал объявить божества не личностями, но символами публично. Тем не менее он считается создателем концепции Равновесия. Мы же сейчас идем куда дальше блаженного Мерка, однако как и он не считаем возможным выносить содержание наших диспутов на суд широкой публики – как я уже сказал, наша паства пока не готова к этому. Однако мы постепенно, исподволь готовим Мир к обнародованию этих истин. И должен сказать, что лишь благодаря отеческой заботе вашего императорского величества мы имеет возможность вести эти научные изыскания под сенью монастырей и храмов, столь щедро обласканных милостями вашего императорского величества.

– Оставьте это, кузен, для меня достаточным вознаграждением служит сознание того, что я хотя бы таким образом служу познанию истины родом людским... Кстати, знаете, что мне сейчас пришло в голову? Я подумал, что моя армия может служить хорошим примером вашего равновесия, коль скоро у меня на службе состоят наемники-тролли... – речь императора была прервана тихим стуком в дверь кабинета. Элевзиль бросил взгляд на стол – песок в часах стек вниз.

– Ну что ж, кузен, время нашей беседы, к моему превеликому сожалению, истекло – государственные дела призывают меня. Завтра жду вас в то же время, что и обычно.

Император вышел из кабинета, на ходу не глядя сбросил на руки ожидавшего слуги темную мантию с капюшоном, которую одевал на свои занятия. Почему-то Элевзилю казалось неприличным изучать теологию в парадном императорском одеянии, терять же время на переодевания не хотелось, поэтому он нашел такой компромисс – прикрывать мантией, похожей на одежду священника, свой роскошный наряд. Изменив таким образом свой облик со смиренного на торжественный, император зашагал к тронному залу. К сожалению, сегодня избежать государственных дел не удастся – предстоял прием посольства гномов, которое изложит претензии по поводу пограничных конфликтов, затем торжественные проводы наследника престола – принца Алекиана, который по традиции получил в день двадцатилетия титул герцога Гонзорского и сегодня отправлялся в Гонзор, дабы приступить к управлению своим владением и таким образом начать подготовку к предстоящему кагда-нибудь правлению империей...

Поневоле мысли Элевзиля обратились к предстоящим проводам. Да, вот его сын уже взрослый мужчина, скоро он начнет познавать в своем герцогстве нелегкое ремесло правителя. А может, послать все к Гангмару и годика через два передать ему трон? Тогда можно будет уйти на покой и полностью отдаться любимой науке... Да вот только захочет ли кузен Кениамерк по-прежнему являться к нему каждое утро, если он оставит трон?..

* * *

Ннаонна забралась в свое любимое убежище – караульную башенку. Здесь она укрывалась от всего мира когда ей хотелось побыть одной. С собой она притащила книгу – тяжеленный фолиант «Гвениадор и Денарелла», неисповедимыми путями попавший в замок вампиров. Если не считать «Жития блаженных», это была единственная книга в замке, по ней Ннаонна училась когда-то читать и сейчас знала уже почти наизусть. Читая этот роман, девочка отождествляла себя с героями книги, ей казалось, что она прекрасная Денарелла,

заточенная в башне злодея Гонгала и что вот-вот явится за ней отважный Гвениадор, совершивший ради ее освобождения невообразимые подвиги – явится и увезет из этого унылого замка в огромный светлый мир, где есть большие города и замки, в которых живут красивые дамы и благородные принцы, где дают балы и турниры... Ннаонна вздохнула – разумеется, все это мечты. Никто не явится за ней и никуда не увезет, вся жизнь пройдет в стенах этого замка, покрытого мхом и плесенью. Ее судьба определена раз и навсегда – она выйдет замуж за Кеннона потому что они – последние в роду. Дед Коннахья рассказывал, что в дни его молодости замок был многолюден и весел, тогда не было нужды вступать в брак родным братьям и сестрам... Так было пока неведомая хворь не отняла жизни почти всех обитателей замка, оставив в живых лишь троих – Коннахью, пятилетнего Кеннона и девочку-младенца, которой еще не успели даже дать имя. Дед рассказывал ей, что она непрерывно плакала: «Ннаонна-а, ннаонна-а...» – так ее и назвали...

Однако, как бы там ни было, помечтать ей никто не может запретить. Ннаонна примостилась на лавке и раскрыла книгу на одном из своих любимейших эпизодов, где речь шла о том, как отважный Гвениадор оставил в дураках глупого гнома Бардольта:

«... – Гляди же, не забудь наш уговор, – промолвил отважный Гвениадор, – поделить золото змея на три части – одну тебе, а две мне, ибо я исполню более опасную часть нашего плана.

И с этими словами рыцарь шагнул в зловонную пещеру, где скрывался страшный змей. Однако ж он не стал углубляться далеко, а надел подаренный ему чародеем Корнагсом волшебный плащ, делавший его невидимым, подкрался к выходу из норы и стал слушать, о чем станет говорить гном Бардольт со своими помощниками, Глоком и Корноком.

– Мы обманем этого простодушного рыцаря, – говорил тем временем гном, – не станем отдавать ему две трети клада, хватит с него и малой доли золота, а станет спорить – так не получит вовсе ничего! Так будет справедливо – ведь прикончить змея предстоит нам, а он лишь должен выманить чудище из норы. Кто же делит охотничью добычу так, что загонщик получает две трети!

Услышав эти вероломные речи, отважный Гвениадор решил сам обмануть обманщика и не подав виду что слышит разговор предателей, тихо пошел в пещеру змея. Отыскать логово злобной твари оказалось несложно – оттуда исходил такой смрад, что ошибиться было невозможно. Обнаружив безжалостное чудище, что отдыхало на груди золота, насытившись мясом очередной жертвы, рыцарь принялся громко поносить его, всячески ругать и швырять в него камнями, сняв предварительно волшебный плащ. Увидев врага в собственном своем логове, змей громко зашипел и кинулся на героя, однако тот проворно увернулся и кинулся к выходу из пещеры, как он и уговаривался с гномом. Однако не стал он выходить наружу, а притаился недалеко от входа в нору, укрытый от глаз змея волшебным подарком Корнагса.

В поисках обидчика змей кинулся вон из пещеры – тут-то и обрушились на него молоты гномов! Гвениадор же вернулся к логову чудища и нашел там немало золота, серебра и всяких сокровищ. Не теряя времени он собрал клад в большой мешок и поспешил наружу, прикрывая волшебным плащом себя и добычу. Выйдя из пещеры, герой полюбовался, как гномы насмерть бьются с огромным змеем и отправился прочь, отягощенный добытым золотом...»

Ннаонна отложила книгу и задумчиво подставила лицо солнечным лучам, проникавшим в бойницу. «Странно, – подумала она, – чем поступки отважного Гвениадора благороднее, чем поступки гнома Бардольта? Оба обманщики... Вот если бы рыцарь оставил гномам треть добычи, как они уговорились, так нет же – забрал все, хотя и давал рыцарское слово. Да к тому же бросил их биться со змеем, а сам сбежал. А как он отблагодарил за помощь чародея Корнагса? Добрый волшебник одарил его магическими предметами, без которых Гвениадор не смог бы совершить и половины своих подвигов, а взамен лишь просил помочь ему

справиться с ведьмой Гнельдой, а благородный герой сбежал, не выполнив уговора... И еще странно, что раньше мне такие мысли в голову не приходили – мне всегда Гвениадор казался образцом доблести и чести... Должно быть, я и впрямь становлюсь взрослой». Девушка мечтательно зажмурилась, припоминая слова деда: «Когда-нибудь ты станешь взрослой и поймешь, что люди жестоки, вероломны и тогда будешь рада, что ты – вампир и живешь в этом одиноком замке, а не там – среди этого подлого народца». Так старый Коннахья отвечал на ее жалобы, что ей скучно в замке и что она хочет повидать прекрасный мир, о котором написано в книге...

Вдруг ей послышался какой-то посторонний звук. Ннаонна насторожилась. На опушке показались два всадника. Это было удивительно – люди всегда избегали здешних мест, тем более боялись подходить к самому замку, а этих двоих девушка видела уже в третий раз. Она окрестила их Красавчиком и Странненьким. Красавчик – высокий, широкоплечий с открытым и мужественным лицом (именно таким Ннаонна и представляла себе отважного Гвениадора) был одет в странную долгополую мантию, вышитую бледными узорами, опоясан длинным мечом и сидел на крупном гнедом коне. Станненький же – он и впрямь был странненьким: одет во все черное, на небольшом вороном коньке, укутан в черный плащ, да еще и капюшон опустил почти до самых глаз. Как и в первые два раза всадники постояли минут пять на опушке, очевидно переговариваясь между собой, затем повернули коней и неторопливо скрылись...

Все это было очень странно... Как-то даже слишком странно...

* * *

Два месяца оговоренного демоном срока истекли и те, кто роптал по поводу чересчур скромного вступления Ингви на престол, могли быть довольны – праздник состоялся, да еще и какой! Предстояли три дня непрерывного веселья – с рыцарским турниром, пирами для знати, угощением и состязаниями для горожан.

Турнир был назначен на первый день. Площадь перед Альхеллой была обнесена барьером, вокруг устроены места для зрителей: для знати – сидения на широком балконе дворца и деревянные трибуны под балконом, для прочих – многоярусные помосты с других сторон площади. В день праздника трибуна напоминала цветочную клумбу – в глазах рябило от пестрых ярких одеяний прекрасных дам, среди которых темным блеклым пятном казался окруженный свитой Ингви. Король по своему обыкновению вырядился в темные одежды, рядом с ним сидел Сарнак-колдун в темной мантии и Кендаг, лорд-орк. После того, как король пришел к согласию с ним, Кендаг был освобожден из темницы и теперь повсюду сопровождал демона, как гость и посол. Трое из орков его отряда были отправлены к их королю гонцами с предварительными условиями мирного договора между орками и Альдой. Одет орк был также неброско...

Пока турнирные схватки не начались, дамы на трибунах оживленно переговаривались. Основных тем было две – внешность нового короля и первый выход в свет юной сестры принца Кадор-Манонга – Санеланы. Сама дебютантка – хорошенькая пухленькая девица – то краснела, то бледнела, смущенная десятками взглядов, то скромно опускала глаза, то, забывшись, принималась с любопытством оглядываться вокруг... На помостах, где собрались простолудины, слышались соленые шуточки, смех, кто-то, подвыпив, принимался то и дело горланить песни.

Наконец, протрубили трубы – маршал королевского войска объявил о начале турнира и передав свои полномочия распорядителя (по традиции эту обязанность исполнял именно маршал) Лорду-хранителю королевства, присоединился к бойцам. Перед началом боев все участники совершили торжественный объезд арены, в то время, как герольд громким голо-

сом выкрикивал их имена, титулы, названия их владений. В турнире собирались принять участие все вассалы Ингви, трое заезжих дворян из Сантлака и четверо вассалов Кадор-Манонга, недавно принявших лены из наследства, полученного принцем два месяца назад. Было заметно, что король без удовольствия воспринял новость об увеличении численности дворянства своего королевства. Новые альдийцы также были родом из Сантлака – огромного королевства, расположенного на западе империи и поставлявшего дворян в армии всех монархов и владетелей. Почти вся территория Сантлака поделена на маленькие лены, владельцы которых проводят время в бесконечных турнирах, либо, если турниров не предвиделось – в схватках друг с другом (по причине наследственной вражды), либо путешествуя по другим королевствам в поисках турниров и схваток. Даже короля дворяне этой странной державы определяли на турнире – монархом становился лучший боец и правил пожизненно, не имея права передать корону по наследству. Объяснялось это просто – Сантлак был практически единственной достаточно большой страной людей, не граничившей с державами иных народов Мира и многочисленное дворянство этой страны могло себе позволить такую жизнь, не рискуя безопасностью своего государства. К тому же эти порядки старательно поддерживались императорами, предпочитавшими видеть в короле Сантлака преданного, хотя и бессильного монарха-вассала...

Первая часть представления окончилась – рыцари покинули ристалище, затем начался сам турнир. По вызову распорядителя игр, громко повторяемому зычным голосом герольда, в обоих концах арены раскрывались ворота и показывались готовые к поединку всадники. Раздавался удар гонга – бойцы неслись друг на друга, выставив копья без наконечников, сшибались в центре ристалища. Если один из рыцарей оказывался повержен – его соперник признавался победителем и ему бросал вызов кто-либо из остальных участников турнира. Если нет – рыцари вновь разъезжались к воротам и бой повторялся. Вокруг, на трибунах и помостах, царил невероятный гвалт – не только простолюдины, но и благородные дамы вопили, топали ногами, визжали, переживая за своих избранников.

При каждом взрыве воплей Ингви недовольно морщился – он совершенно не находил зрелище захватывающим. Слева от него Сарнак сохранял неподвижный и непроницаемый вид, к чему его обязывала профессия колдуна, зато сидевший справа от короля Кендаг смотрел на поединки широко раскрытыми глазами – его турнир привел в восторг.

– Скажи, король Ингви, – спросил он, – зачем тебе понадобились наемники-орки – ведь у тебя я вижу так много отличных бойцов?

– Видишь ли, лорд, каждый из этих воинов хорош сам по себе, но вместе они не составляют хорошего войска, а твои орки понимают, что такое дисциплина. Ведь если я, допустим, прикажу кому-либо из этих сеньоров отправиться на южную границу взимать пошлины с купцов – так он, пожалуй, в ответ пришлет мне вызов... Ну, дальше ничего интересного не будет – в бой вступил наш маршал, а это значит, что он не покинет ристалища до вечера. Сменяться будут лишь его соперники, но я не верю что его кто-нибудь побьет.

– Ингви, а ты это серьезно – насчет пошлин с купцов? – спросил на демонском языке Сарнак, прислушивавшийся к разговору. – У нас ведь с энмарцами договор о беспошлинной торговле.

– Да, я помню – они как-то выжали такой договор из короля Альды, пообещав взамен денежную ссуду, нужную тому для войны с орками. Что ж, формально я не нарушу договор – пусть беспошлинно торгуют в Альде, но никто не запретит мне взимать с них налог, если захотят отправиться на север – в этот, как его... в Гонзор. Кстати, именно так они поступают с купцами Архипелага – не выпускают их из Энмара и таким образом диктуют им цены... Ну, что я говорил – с Валентом никто не справится! – маршал как раз разделялся с третьим по счету соперником.

В это время в королевской ложе, громыхая доспехами, появился Кадор-Манонг. Принц был в прекрасном расположении духа – сегодня он выбил из седла одного соперника, что случалось не часто.

– Ваше величество, – обратился он к Ингви, – благородные сеньоры, собравшиеся сегодня на ристалище, поручили мне поинтересоваться, не собираетесь ли вы принять участие в турнире? Нашим дворянам по душе, если король разделяет с ними и их развлечения, и опасности.

– И с кем же мне здесь сразиться, не уронив при этом королевского достоинства – я не вижу на турнире ни одного монарха.

– Но вот я – принц!

– Послушайте, принц, ваш титул всего лишь невнятно говорит о вашем родстве с предыдущей династией – не более. По сути дела, вы всего лишь простой мой вассал. Но если вы станете настаивать – что ж, я, пожалуй, вызову вас на поединок – на поединок магов! – при этом король что-то пошептал в сложенные лодочкой ладони – в руках у него показалось что-то вроде облачка черного дыма, сгустившееся тут же в змейку около полуметра длиной. Змейка принялась извиваться между тонких пальцев Ингви, посверкивая глазками-угольками на принца.

Тот попятился, бледнея на глазах:

– Ваше величество, это невозможно – из нас двоих маг лишь один, вы, видимо, забыли...

– А вы, видимо, забыли, что из нас двоих лишь один – король.

Кадор-Манонг попятился на несколько шагов, быстро повернулся и чуть ли не бегом бросился из королевской ложи.

Ингви с Сарнаком, переглянувшись, расхохотались, как нашалившие дети. При этом король взглянул на Кендага, как бы приглашая разделить с ними веселье – тот словно окаменел, приоткрыв рот и не сводя выпученных глаз с королевских ладоней...

Глава 10

Кому-то может показаться, что я чересчур грубо обошелся с этим выскочкой-принцем, но тут уж я ничего поделать с собой не могу – этот тип вызывает у меня стойкую антипатию, это, можно сказать, нелюбовь с первого взгляда. Не сомневаюсь, что нелюбовь взаимная... К тому же меня уже несколько раз пытались отравить. Узнать, кто я и не пытался – если накажу одного – найдутся другие, поэтому я посчитал, что умнее будет вообще не подавать вида, что обнаружил отраву. Рано или поздно злоумышленники придут к выводу, что отравить демона вообще невозможно. Лично я не сомневался, что за покушениями стоит принц – он от моей смерти выиграет больше всех, так как наверняка станет новым королем Альды – в другой раз местные вряд ли захотят баловаться с вызовом демона. И кроме всего этого, сказалось мое раздражение – все получают удовольствие от турнира, так надо и мне поразвлечься!

Кстати, от всей этой сцены была и кое-какая практическая польза: я воочию убедился, какую реакцию вызывает магия у орков. Никто до меня не заключал с орками договоров и неизвестно, как они держат клятву, но совсем другим делом для них будет нарушить обещание, данное могущественному магу...

Тем временем в ходе турнира возникла заминка – никто не хотел принимать вызов Валента, даже нахальные заезжие дворяне из Сантлака. Странно было видеть, как мой маршал, вообще-то очень спокойный и сдержанный человек, вдруг превратился в кровожадного вояку – он дразнил остальных участников турнира, всячески насмеялся над ними, орал судьбе, что уже замерз – все было напрасно. Рыцари морщились, кусали усы, но принимать вызов никто не хотел. Под конец Валент предложил сразиться с любым желающим в пешем бою (регламент турнира этого не запрещал), при этом маршал похлопал по внушительного вида палице, притороченной к его седлу. Тут уж желающих и подавно не нашлось – в конном бою этого здоровяка еще можно было одолеть за счет точности удара или лучшего коня, но в пешем поединке шансов не было ни у кого. Признаюсь, у меня было сильное искушение принять вызов Валента и сразиться с ним, тем более, что у меня уже было боевое оружие, с которым я, пожалуй, не побоялся бы его палицы – мои доспехи были готовы, на место украшавших их некогда камней оружейники вставили янтарные шарики, которыми я в последнее время запасся. Думаю, не надо пояснять, что доспехи я заколдовал самыми мощными защитными чарами, какие только знал, а янтарь надежно зафиксировал заклинания. В последнее время я постоянно пользовался этими янтарными шариками, которые носил в маленькой сумочке на поясе и регулярно «подзаряжал» маной. Под стать доспехам был у меня и меч – великолепное оружие вороненой стали, также украшенное янтарем. Мне стоило немало труда втолковать оружейнику, что янтарь должен украшать не только эфес, но и все лезвие меча, но результат стоил усилий – мое оружие (я назвал его Черная Молния), усиленное магией, могло разить с нечеловеческой силой. Короче говоря, в пешем бою я не побоялся бы встретиться с любым противником и несмотря на то, что боец из меня никакой, пожалуй, победил бы самого искусного фехтовальщика – разумеется, при условии, что он не маг, как я.

Однако, поразмыслив, я решил не выпендриваться – во-первых, я только что отказался от конного поединка, сославшись на свой статус монарха, а во-вторых – ничего хорошего моя победа мне бы не принесла. Я смертельно оскорбил бы Валента, которому поражение было бы особенно неприятно после всей его похвальбы, да и сам бы лишился своего секрета – я надеялся, что все считают меня таким же слабым бойцом, как и наездником (думаю, что Кадор-Манонг и вызывал меня на бой только потому, что ему было известно о плачевном результате моих уроков верховой езды), так пусть же этот козырь останется пока у меня в рукаве...

Но вмешаться все же требовалось, поскольку ситуация сложилась патовая. Я потребовал внимания и как только установилась маломальская тишина, объявил маршала победителем, постаравшись использовать самые лестные выражения. Поскольку было еще слишком рано сворачивать празднество – я объявил, что после небольшого перерыва на ристалище можно провести состязание между цехами в искусстве рукопашного боя. Трибуны встретили мои слова взрывом одобрительного шума – эти соревнования пользовались большой популярностью и их всегда ждали с нетерпением.

И вот на арену вышли отряды горожан – в кожаных латах и шлемах, со щитами и дубинками. Во избежание членовредительства доспехи были набиты тряпьем (при этом все бойцы превращались в забавных толстяков), а дубинки оканчивались мягкими мешочками с песком. По традиции каждый цех выставлял по тридцать воинов, так что это соревнование включало и элементы тактики...

* * *

Горожане приветствовали бойцов дружным ревом, когда те проходили по периметру арены торжественным маршем. Члены цеховых братств старались перекричать друг друга, декламируя свои девизы – в этом они еще могли соревноваться, однако в последовавших за этим боях фаворит был известен заранее – с цехом кузнецов, выставившим на соревнование дюжих молотобойцев, конкурировать не мог никто. Представители других цехов соревновались между собой лишь в том, кто дольше и успешнее сопротивлялся признанным чемпионам.

Завершал первый день празднества так называемый «малый пир» – довольно скромный, поскольку все берегли силы для продолжения развлечений в последующие два дня. Тем не менее, столы, накрытые для знати в просторном зале Альхеллы, ломились от угощения. Поначалу все шло очень чинно и тихо – поздравляли Валента Гранлотского, в изысканных выражениях оценивали старания Лорда-хранителя, безупречно подготовившего все необходимое для столь прекрасного турнира. Постепенно, по мере употребления вина из серебряных кувшинов, разговоры становились все громче, дамы смеялись несколько визгливее, чем в начале... Затем всех позабавил принц Кадор-Манонг. Он, пошатываясь, встал с кубком в руке и, запинаясь и растягивая слова, начал произносить весьма длинный и вычурный тост «во славу всех добрых бойцов и на погибель мерзким колдунам с их отвратными змеями», но не договорив внезапно рухнул прямо на стол лицом в объедки. Под дружный смех добрых рыцарей и хихиканье их спутниц слуги, предводительствуемые пунцовой от смущения мадам Санеланой, потащили принца во двор – обливать водой...

Когда все отсмеялись, Лорд-хранитель, которому перед этим что-то пошептал король, поднялся и напомнил благородным гостям, что это всего лишь малый пир и что пора поднять последний тост в честь доброго короля Ингви. Затем гости разошлись в отведенные им покои – отдохнуть перед продолжением праздника.

На второй день празднества все вновь заняли свои места на трибунах и помостах – предстояли соревнования горожан в различных молодецких забавах. Наиболее популярные бои были уже позади, но предстояло еще немало интересного – борьба, кулачный бой, стрельба из лука. Эти соревнования продолжались с перерывами целый день и завершились ужином во дворце, еще более скромным, чем малый пир. Дворяне вновь собрались за длинным столом, но в этот раз никто не напивался – все берегли силы к последнему дню празднества, в некотором смысле самому трудному.

На третий день было назначено праздничное угощение – вся столица собралась на рыночной площади. За ночь трибуны разобрали на доски и собрали из них длинные столы. Эта операция была продумана заранее – трибуны были изготовлены с таким расчетом, чтобы

потом превратиться в столы. Идея принадлежала королю, он же собственноручно набросал первые эскизы разборных помостов. И так, с утра площадь стала заполняться народом. Горожане чинно, степенно рассаживались за столами, каждый цех на своем месте, дворяне – за своими столами на невысокой рампе – так, чтобы находиться выше простолудинов, но все же не на много – чтобы пиршество оставалось всеобщим. Вдоль столов потянулись вереницы слуг и молодых подмастерьев с блюдами и подносами в руках – пир начинался...

После нескольких официальных здравниц в честь короля пир как-бы распался на несколько частей – где-то гости уже напились и весело горланили и хлопали друг друга по плечам, где-то еще чинно закусывали, не забывая произносить речи перед каждым опорожнением кубков, дворяне вновь принялись обсуждать подробности турнира, Ингви увлеченно слушал рассуждения подвыпившего Кендага, сравнивавшего мастерство в стрельбе из лука орков и стрельбу горожан, которую они наблюдали вчера.

Кое-где между столами горожане уже пускались в пляс – многие принесли с собой на праздник свои музыкальные инструменты. Постепенно все собравшиеся на площади как-бы вновь объединились – поскольку все достигли определенной степени опьянения и веселья. Разделение на цехи и братства нарушилось, толпы веселых краснолицых людей переходили от стола к столу, не чинясь пили из чужих кубков, закусывали, шутили, пели...

Веселье было в разгаре... Внезапно на площади послышались громкие крики. Все пирующие сразу засуетились, вскакивая и озираясь в поисках причин шума.

По площади неслись двадцать-тридцать оборванцев – орали, улюлюкали, расталкивали празднично одетых горожан и горожанок, хватая со столов что попало. Все горожане застыли, ошеломленные, никто не пытался схватить хулиганов, наоборот – те выглядели настолько грязными и отталкивающими, что их инстинктивно сторонились, давая дорогу... Первым опомнился король, метнувший в спины убежавших оборванцев какой-то маленький предмет. Движение сопровождалось заклинанием. К этому времени почти все воришки уже успели скрыться в выходящих на площадь улицах и заклинание настигло лишь одного – оборванец рухнул как подкошенный, забившись в невидимых путях. Ингви, сопровождаемый тревожно перешептывающимися за его спиной дворянами, двинулся к упавшему, толпа горожан расступалась перед ним. Взмахом руки демон освободил пойманного воришку от действия колдовства, тут же того схватили слуги и поставили на ноги.

– Ну, мерзавец, отвечай – кто вы такие? Для чего вы это затеяли?

– Дак это, – схваченный напустил на себя придурковатый вид, – мы это... праздник, значит, в городе. Мы это, мы с Северной стороны, мы на праздник пришли – за угощением...

В это время то тут, то там на площади стали раздаваться крики – кто-то орал, что у него пропал кошелек, какая-то горожанка пронзительно вопила, что у нее исчезла брошь с настоящим рубином, у другой срезали с платья дорогую бахрому, огромный дородный дядька – главный мастер цеха кузнецов – ревел, что лишился серебряного кубка, выигранного позавчера его молодцами, «из которого пил только что». Все стало ясно – пока оборванцы отвлекали внимание, другие, хорошо одетые воришки смешались с праздничной толпой и выполнили свою часть «работы».

– Ну, что ж, – тихо промолвил король, обращаясь к пойманному преступнику, – ступай к себе, на свою Северную сторону и передай вашим главным, что вы оскорбили меня и теперь я осудил вас на смерть. В течение двух месяцев думайте и ровно через два месяца – день в день – на эту самую площадь пусть явятся с повинной головой те, кто хочет жить. Остальные будут казнены в тот же день... Ну, чего ты ждешь? – воришка, которого уже никто не держал, нерешительно топтался в центре пустого круга среди собравшихся со всей площади людей.

– Дак это... в тюрьму...

– Я же тебе сказал – никакой тюрьмы. Те, кто не явится сам через два месяца на мой суд – будут казнены. И ты мне не нужен сейчас – я убью тебя вместе с остальными. Ступай!..

* * *

Конечно, праздник был безнадежно испорчен. Вновь начать веселье так и не удалось, впрочем никто особенно и не пытался это сделать. Тем не менее, дворяне собрались вечером на «большой пир». Это грандиозное кормление с не менее грандиозной попойкой для знати Альды должно было, по замыслу организаторов торжеств, венчать трехдневный праздник. Когда все собрались за столами, появился король и пир начался. Поначалу дворяне, находившиеся под впечатлением недавней неприятной сцены, сидели тихо и вели себя неестественно сдержанно, однако, по мере употребления дорогих вин из королевских подвалов, веселье начало набирать обороты. Вскоре зал наполнился веселым гомоном – привычка к беззаботному веселью при малейшей возможности взяла свое. Рыцари вновь принялись обсуждать турнир (тема оказалась неисчерпаемой), многие шутовски укоряли сэра Валента в несдержанности, тот воспринимал это как похвалу и застенчиво улыбался. Спустя некоторое время дамы, согласно старинному обычаю, покинули зал. Предстояла кульминация благородного веселья – суровая мужская попойка, в ходе которой многим дворянам предстояло оказаться под столом, поскольку «большой пир» не предусматривал обливания захмелевших водой во дворе. Более того, напиться вусмерть сегодня – проявление доблести и подлинно рыцарской удали.

Постепенно наглая выходка городских воров была забыта совершенно и рыцари полностью отдались геройской схватке с кубками вина. Противник все прибывал, но знать Альды держалась молодецки...

Когда все слегка захмелели, но держались все еще более-менее твердо, поднялся с кубком в правой руке король. Привлекая к себе внимание, он щелкнул пальцами – щелчок громом прокатился по залу. Рыцари замолкли, оборвав разговоры на полуслове, все взгляды устремились к демону. Дождавшись полной тишины, тот заговорил:

– Господа! Прежде всего я хочу поблагодарить всех благородных сеньоров, почтивших своим присутствием мой скромный праздник. Однако вынужден обратить ваше внимание на то, что банда гнусных мерзавцев, недостойных называться альдийцами, едва не испортила нам веселье. Я полагаю, что этот позор должно скрасить каким-нибудь молодецким подвигом и объявляю сегодня моим добрым вассалам о предстоящем военном походе!

– В поход! Веди нас, король Ингви! – заревели рыцари.

Король поднял руку, затем, вновь дождавшись полной тишины, продолжил, криво улыбаясь:

– Я рад, что мысль о предстоящем походе так радует собравшихся здесь храбрецов. Итак, через три дня я жду вас с вашими людьми здесь в столице. В канун дня блаженного Игуаста мы отправимся на войну. Цель нашего похода – замок вампиров, что как язва зияет на теле нашей страны.

Если до этих слов было просто тихо, то теперь, казалось, весь зал окаменел. Неестественная, какая-то почти осязаемая тишина повисла под сводами зала... Вдруг из чьей-то руки выпал пустой кубок, звякнул об пол и с гулом и побрякиванием покатился по каменным плитам...

Часть 2 Король

Глава 11

Принц Алекиан торжественно въезжал в столицу Гонзорского герцогства во главе колонны сопровождавшей его свиты. Торжественный кортеж, включавший роту императорской гвардии, слуг, двадцать фургонов с имуществом принца, обоз гвардейцев и прочее, растянулся чуть ли не на километр. Вдоль всего пути следования Алекиана от ворот города к дворцу на улицах теснились толпы горожан, желавших взглянуть на редкостное зрелище.

Проезжая сквозь широко распахнутые ворота, принц расправил плечи и постарался придать своей осанке царственную величавость. Ехавший справа от него на богато разукрашенном пони Коклос Пол-Гнома, шут принца, старательно скопировал движения хозяина, сопроводив их такими ужимками, что стражники в воротах не смогли удержаться и прыгнули в кулаки. Слева от принца ехал капитан гвардейцев Брудо ок-Икери. За двадцать пять лет службы в гвардии капитан приобрел флегматичный и невозмутимый нрав. В течение этого срока сэр Брудо проделал три кампании (две против гномов, в одной из которых был ранен и бежал с поля боя, впрочем, боя проигранного и одну – против троллей-мятежников, в которой отличился и получил чин капитана), участвовал во множестве боев и стычек и потому был уверен, что повидал в своей жизни все и больше ничему не удивлялся. Искося взглянув на шута, капитан сохранил свой обычный непроницаемо-брюзгливый вид.

Проехав по заполненным горожанами улицам, процессия подъехала к герцогскому дворцу, где принца встретили отцы города. После церемонии встречи, скорее официально-обязательной, чем искренней, Алекиана препроводили в его покои – отдохнуть после утомительной дороги. Тем временем приехавшие с принцем слуги начали наводить порядок в покоях дворца – расставлять привезенную мебель, раскладывать одежды господина, капитан ок-Икери повел своих людей в казармы.

Принц, сославшись на усталость, попросил городских синдигов оставить его одного, пообещав принять их доклады завтра. Коклос, прошмыгнувший вслед за принцем в его опочивальню, принялся расхаживать по комнате, заглядывая во все углы и тараторя скрипучим высоким голосом:

– Ну вот мы и стали герцогами, теперь-то мы себя покажем. Теперь наш молодой орел расправит крылья. Да уж, братец, тебя ждут великие подвиги, которые ты совершишь на этом посту. Первый подвиг предстоит завтра утром – ты выслушаешь доклады всех без исключения чиновников Гонзора, причем каждый захочет посвятить тебя в тонкости своего ремесла – управляющего тюрьмы, сборщика налогов, смотрителя дорог и прочее. Второй подвиг ты совершишь завтра днем – тебе предстоит принять вассальную присягу у каждого дворянина этой провинции, сопровождающуюся преклонением коленей, вложением рук вассала в руки сеньора и прочими благородными штучками. Затем за обедом каждый из них пожелает выпить с тобой, братец, и заверить тебя в своей преданности – гляди-ка, это уже третий подвиг – ты станешь великим героем, мой друг! Четвертый подвиг ты совершишь завтра вечером – будет бал, туда примчатся все дамы Гонзора и те из этих красоток, кто не достиг еще шестидесяти, разумеется, пожелают танцевать с тобой, затем они, ясное дело, все в тебя влюбятся, потому что ты – самый красивый герцог на сто километров вокруг, а затем... – врезавшаяся в голову шута подушка прервала его монолог.

– Ну и как хочешь, ну и ухожу... Да, я, пожалуй, пойду и оставлю тебя наедине с твоими мечтами о предстоящих подвигах и особенно – о победе над пятидесятидевятiletними красотками Гонзора! – с этими словами шут выскочил за дверь, спасаясь от очередной подушки.

Изгнав шута, принц сбросил сапоги, поудобнее развалился в огромной кровати и, уставясь в нависавший над ней балдахин, предался мрачным раздумьям. Разумеется, кому-то могло бы показаться, что, получая в управление достаточно большую область, он приобретает возможность показать себя и заодно избавиться от скуки дворцовой жизни под крылышком отца. Но принц чувствовал уныние. Ему, выросшему в столице Империи, Гонзор казался глубокой провинцией. Алекиан заранее тосковал, представляя себе ожидающие его занятия. Шут, как обычно, попал в точку – принца ожидала нудная, размеренная, заранее расписанная до мелочей жизнь. Ожидали скучнейшие доклады мелких чиновников, унылые выезды на охоту с местными дворянчиками, не менее унылые пиры с участием дочерей и сестер этих самых дворянчиков – томных, жеманных, примитивных девиц, одетых по моде десятилетней давности. Как жаль, что никто из его приятелей не согласился сопровождать его – эта золотая молодежь предпочла столичные забавы дружбе с наследником престола, хотя, разумеется, каждый из них заверял принца, что будет непременно навещать его – «... вот только отыграем пир по случаю совершеннолетия графини Кларенты, да съезжу на охоту с Микорсом, да навещу матушку в ее имении, да...» Как же, приедет кто-нибудь к нему в эту дыру!

А может, случится какая-нибудь война? Вот было бы здорово въехать в столицу под звуки труб победителем во главе пропыленной колонны воинов, фургонов с добычей и вереницы закованных в цепи пленников – как бы тогда глядели на него приятели, эти столичные хлыщи... М-да, на войну, пожалуй, тоже рассчитывать не приходится – Гонзор не граничит с враждебными державами. Разве что орки, чье логово находится где-то на юге, за Ничейными Полями. Но идти туда походом ему, конечно, не позволят – у молодого герцога власти совсем не так много, как кажется. Кто-нибудь из его окружения мигом донесет батюшке-Императору и из столицы придет строгий запрет на военные авантюры. Так что не светит Алекиану ни слава полководца, ни военная добыча, ни освобожденные из замков злодеев девицы, томившиеся там в ожидании героя-избавителя...

«Ну и ладно, – решил принц, – вот осмотрюсь немного, да и устрою турнир...»

* * *

Войско короля Альды двигалось на север. По трое в ряд по дороге шли конные латники, за ними ополчение городских цехов, выставивших, согласно своим уставам, по двадцать воинов каждый. Завершал колонну небольшой обоз – всего лишь шесть фургонов. Много припасов брать с собой не пришлось – поход предстоял не дальний. Купцы и крестьяне, попадавшие по дороге, торопливо сворачивали на обочину и провожали рыцарей, латников и ополченцев грустными взглядами, сочувственно качая головой. Через полтора часа основной торговый путь свернул вправо и движение войска замедлилось. Теперь предстояло двигаться не по тракту, хорошо накатанному повозками энмарских купцов, а по обычной сельской дороге, представлявшей собой две колеи, змеящиеся среди невысокой травы. Пехота остановилась, выжидая, пока конница, перестраиваясь по двое, двинется дальше.

Колонну по-прежнему возглавляли король с придворным магом. Король по случаю военного похода облачился в свои странные латы, усыпанные янтарем. Шлем, который был пока приторочен к седлу, украшал тоненький золотой ободок с зубчиками, символизировавший корону, и высокий плюмаж черных перьев. Сарнак также одел поверх своего наряда кольчугу и шлем. Дорога была обоим хорошо знакома и они, машинально свернув влево от развилки, продолжали свой спор, тянувшийся от самой Альды:

– ...А я все же не понимаю, на кой тебе сдался этот поход. Риск слишком велик! Ты только погляди на эти унылые рожи у нас за спиной – можешь себе представить, как тебя сейчас кроют в задних рядах.

– Напротив, никакого риска я не вижу. Что касается недовольных – они есть всегда. Конечно, моим вассалам веселее было в походах в Ничейные поля, там они не подчинялись никому, охотились, пировали, бездельничали, сознавая к тому же, что исполняют свой священный долг и ведут праведную войну с врагом рода человеческого! А этот враг, кстати, и отпора-то дать не сможет. Вот теперь-то я и погляжу, на что способны эти хвастуны.

– Все-таки, тебе следовало бы первый поход направить на менее опасного противника, чем вампиры!

– Менее опасного я не найду. Тем более, что я вообще никакого не найду – с орками пока мир, а других враждебных соседей у нас нет. Или ты, может, собираешься предложить мне напасть на Гонзор? Или на Энмар?

– Шутишь... Но, возможно, на Энмар было бы безопаснее.

– Опять двадцать пять... Да с чего вы все взяли, что вампиры – опасный враг?

– Ну-у... – Сарнак замялся.

– Ладно, давай рассуждать с самого начала. Мы с тобой видели замок вампиров – так? Ну и как тебе их укрепления? Довольно-таки обветшали, верно?

– Да. Ну и о чем это по-твоему говорит?

– Это говорит о том, что они не ждут нападения.

– Либо о том, что настолько сильны, что не нуждаются в стенах.

– А вот и нет! Если бы это было так – стен бы вообще не было. А эти стены носят следы ремонта, хоть и бестолкового – помнишь дыры в каменных стенах, заделанные кирпичной кладкой? И кроме того, давай-ка припомним, на чем вообще основан страх перед вампирами? Кто сказал, что они существа враждебные?

– Пропадают люди...

– Вот! Время от времени исчезают без следа крестьяне из окрестных владений. Заметь, исчезают ночью или поздно вечером те, кто задержался в пути. Если бы вампиры были сильны – они бы не подстерегали запоздалых путников по ночам, а просто приходили бы в деревни и брали все, что им надо – и среди бела дня.

– А может, их сила возрастает ночью!

– Сарнак, брось спорить, ты в душе уже согласен со мной. Что за бред – ждать, пока сила возрастет и после этого напасть на беззащитного крестьянина! Ведь никто и никогда не слышал, чтобы вампиры осмелились напасть на хорошо вооруженного рыцаря, сопровождаемого свитой – ни днем, ни ночью. Поэтому я уверен, что эти ваши вампиры – самый слабый враг, какого я только могу сыскать. Мы победим, я заработаю авторитет, без которого не смогу приступить к реформам. К тому же, надеюсь, будет добыча. Да и в конце концов это просто позор – разбойничье гнездо в нескольких часах пути от столицы! Как это только мои предшественники терпели подобное... Я уверен – риска никакого. Ни большого, ни малого. Чтобы напасть на этих ночных воришек я собрал самую большую армию, какую видела Альда за последние сто лет! Десять рыцарей, каждый с десятком латников, двести человек пехоты...

– А что ж ты не взял всех наших дворян?

– Я не настолько доверяю оркам, – король, оглянувшись на ехавшего за ними Кендага. Лорд, сопровождавший Ингви в походе, уже довольно уверенно сидел на коне – большое достижение для орка. – Наши рыцари с их отрядами расставлены на юго-восточной границе, в этот раз никакой самодеятельности – каждый на своем месте, с точно поставленной задачей. Случайностей с внезапным нападением орков мне не надо. Так что – говорю тебе –

риска никакого. Зато плюсов не перечесть. В сущности, без этой победы я не могу начать намеченных мною реформ.

В это время спорящих нагнал маршал Валент:

– Ваше величество, мы приближаемся к замку. Не прикажете ли остановить движение и выслать дозоры?

Ингви полез в седельную суму и порывшись, извлек оттуда маленький янтарный шарик. Затем он поднес шарик к глазу и прищурившись, всмотрелся в него – эту операцию он проделывал время от времени всю дорогу от города.

– Опасности нет, в замке, наверное, до сих пор о нас не знают... – заявил он, пряча шарик. – Впрочем, действуйте – так будет надежнее. Только колонну не останавливайте – замедлим движение – и все.

Окружающая дорогу местность становилась все более холмистой – армия приближалась к отрогам Отвесных Гор. Высланные дозоры, вернувшись, подтвердили – замок не подает признаков жизни. Армия вновь ускорила шаг и через полчаса голова колонны вышла на широкую прогалину – перед войском высились стены и башни замка вампиров, словно вросшие в окружающие их скалы.

* * *

В замке наконец-то заметили врага – и тут же там началась лихорадочная деятельность. Хрипло затрубил рог и смолк. По стенам побежали мрачные воины, на ходу застегивая кожаные, усеянные медными бляшками, латы.

Армия короля Альды, подтягиваясь по дороге, расползлась широким полукольцом по пустоши, окружавшей замок. Сам замок выглядел довольно внушительно – высокие стены слева и справа примыкали к совершенно вертикальным скалам, по которым, казалось, не сможет взобраться и белка. Эти горы, окружавшие Альду с севера, так и назывались – Отвесные Горы. Существовала древняя легенда о том, что такую форму скалам придал Гангмар по какой-то своей прихоти, обтесав их и срезав у них вершины. А все обломки высыпал в море широкой полосой вдоль берега западнее Альды и севернее – там эти искрошенные скалы образовали длинную отмель с многочисленными островами, непроходимую для кораблей – Мокрые Камни. Этим-то и объяснялось богатство и успехи купцов Энмара. Их город, расположенный юго-западнее Альды, был ближайшим к Архипелагу портом, через который шла торговля последнего с Империей. К северу от Энмара начинались Мокрые Камни и тянулись до самого Сантлака – однако высаживаться там и везти товары через многочисленные владения бесшабашных и взбалмошных сантлакских дворян для купцов было бы безумием – их бы неминуемо ограбили. Потому-то энмарцам и удалось захватить в свои руки монопольную торговлю между Империей и Архипелагом. Товары везли в Энмар, там грузили в повозки и через Альду и Ничейные Поля отправляли в Гонзор, в Империю...

Как бы то ни было, отроги Отвесных Гор надежно прикрывали замок вампиров слева и справа. Поэтому все дворяне, съехавшись вместе, тут же принялись обсуждать возможности лобовой атаки. Несмотря на высоту стен – такие возможности были. Камень в некоторых местах осыпался и дыры в стенах закрывала кирпичная кладка, а кое-где – даже просто кучи мусора, ворота были заметно трухлявыми и висели как-то косо – час-другой работы тарана и все...

Король тем временем подъехал к старому высохшему дубу, стоящему на самой опушке окружающего замок леса и встав в стремя, вытащил из трещины в коре янтарный шарик, пояснив при этом Сарнаку и маршалу:

– Вот и мой глазик, через эту штуку я и наблюдал за замком. Ну вот, а теперь, пожалуй все наши подтянулись – можем начинать. Сейчас я...

Тем временем в караульной башенке над воротами показались новые фигуры. Это, несомненно, и были сами хозяева замка – страшные вампиры. Один из них – молодой, в таком же, как и у простых стражников, кожаном доспехе, не привлекал особого внимания, зато старший... Это был настоящий гигант – массивный, высоченный дородный старик, одетый в многослойный панцырь из мохнатых шкур. Волосы у обоих были не стрижены и спускались до поясницы – у младшего черные, у старшего с заметной сединой, рассыпанные по плечам и смешивавшиеся с такой же густой и длинной бородой. Как только вампиры показались над воротами – послышалось низкое, басовитое гудение, вой. Вначале слабый звук, исходящий, казалось, из недр земли, постепенно окреп, заполнил все пространство перед замком, навис над войском... При этом старый вампир поднял руки и принялся, сжимая кулаки, отводить их назад, затем, резко бросать вперед, раскрывая ладони. Со стороны это выглядело так, словно старый гигант что-то собирал из воздуха, наполненного жутким гулом, и швырял в воинов, окруживших замок. Те заволновались, растерянные, напуганные. Раздались первые крики – и вдруг паника стала всеобщей. Десятки всадников и пеших, расталкивая и сбивая с ног друг друга, бросились прочь от этого страшного места – по дороге, в лес, сквозь кусты и бурелом, только бы прочь...

Через минуту рядом с недоуменно озирающимся Ингви остались лишь Сарнак, маршал и десятка три перепуганных людей – латников Валента и горожан. Да еще поднимался упавший с коня Кендаг...

– Чего это они?.. – спросил король.

– Магия! Ваше величество, нам лучше... – маршал хотел предложить отступить, но осекся, взглянув на демона – тот небрежно подбрасывал маленький огненный шар, шипящий и разбрасывающий искры.

– Да никакой магии не было – я бы почувствовал! – обиженным голосом заявил Ингви, машинально продолжая поигрывать своей шаровой молнией, – эти трусы разбежались без всякой причины. Ну ладно, маршал, постарайтесь собрать хоть сколько-нибудь воинов и через час начнем штурм. По крайней мере пешие ополченцы не могли убежать далеко. А я на это время, пожалуй, займу врагов работой.

С этими словами демон зашвырнул свой огненный шар через стену во двор замка – там что-то вспыхнуло с громким хлопком, повалил густой дым и большая часть защитников замка бросилась со стен внутрь – тушить пожар.

– По-моему, там у них дровяной склад, – более спокойным тоном пояснил король Сарнаку, – пусть пока займется пожаром. Хотя элемент внезапности уже утерян. А как славно все было задумано! Этим взрывом я бы снес ворота – и мы просто вошли бы в замок в конном строю. Ну ладно, пока сделаем вид, что отступаем... В лес!.. – и повернул коня.

Глава 12

Полтора часа спустя маршал Валент Гранлотский привел к королю Ингви, поджидавшему на поляне вблизи замка, немногим больше сотни сконфуженных воинов, преимущественно горожан-ополченцев. Почти все рыцари со своей конницей удрали слишком далеко, чтобы пытаться их вернуть. К своему удивлению, король обнаружил среди вернувшихся и принца Кадор-Манонга. Впрочем, вскоре выяснилось, что причиной здесь не самообладание принца, а его невезение – во время бешеной скачки сквозь лес он налетел грудью на толстую ветку дерева и вылетел из седла. Доспехи спасли его от серьезных повреждений, и принц как раз собирался продолжить бегство на коне своего оруженосца, как был обнаружен маршалом...

Когда остатки войска были выстроены на поляне, король выехал вперед и обратился к воинам с речью:

– Сегодня я убедился, что большинство моих вассалов – трусы и хвастуны. Однако вам предоставляется возможность показать себя с лучшей стороны. Сейчас мы вновь пойдём к замку и захватим его. Возьмите себя в руки – и сами убедитесь, что вам не грозит ничего более страшного, чем обычные опасности войны. Можете быть уверены – те, кто вышел сегодня на рассвете из ворот Альды вместе с нами и к вечеру не окажется в замке разбойников – будут наказаны! Те же, кто не бежал до схватки – получают большие доли при дележе добычи! Однако и остальные тоже могут рассчитывать на награды – после окончания штурма. Итак, вперед! Сейчас мы все вместе выйдем из леса и быстро бросимся к воротам, которые я собираюсь открыть при помощи магии. Быстро врываемся во двор и отрезаем врагов, которые будут на стенах, от внутренних построек замка. За мной! – и Ингви быстро двинулся к замку, не оглядываясь и надеясь, что воины следуют за ним.

На этот раз его план сработал – одна створка трухлявых ворот от его огненного шара просто разлетелась вдребезги, и он во главе трех десятков всадников ворвался во двор замка. Дальше демон ничего предпринимать не стал – он отъехал в сторону и спокойно наблюдал, как конные латники рубят нескольких вражеских солдат, попавшихся им во дворе. Тем временем к воротам подбежали пешие ополченцы, немного отставшие от конницы. Двор быстро наполнился атакующими, которые во главе со спешившимся Валентом бросились к замковым постройкам, на высоком крыльце которых собралось десятка полтора врагов во главе со старым вампиром. Его молодой брат тем временем мчался по стене, собирая застигнутых там солдат и сбрасывая наиболее рьяных ополченцев и латников, пытавшихся влезть на стены. Очистив от штурмующих лестницу во двор, младший вампир повел собранных им людей к крыльцу. Он быстро продвигался во главе своего отряда, разбрасывая попадавшихся ему по пути. Ингви невольно залюбовался молодым врагом – до того ловко тот работал мечом, казавшимся живой гибкой змеей в его руках. Казалось, никто не сможет остановить его и он один перебьет всех оказавшихся на пути его отряда. Тем временем, сэр Валент, услышав за спиной громкие крики, обернулся и кинулся со своими латниками на нового врага, прервав безуспешные попытки захватить крыльцо. Все затаили дыхание, когда в воздухе со скрежетом встретились длинный меч вампира и массивная палица рыцаря. Все остальные схватки угасли – все без малого двести человек, оказавшихся во дворе, наблюдали за поединком.

Раз за разом палица сталкивалась с мечом и, как ни странно, не очень высокий, худощавый вампир не уступал своему закованному в железо огромному противнику. Несколько раз Валент промахивался, его палица со свистом разрезала воздух – и тут же слышался звонкий удар меча. Почти все удары противника рыцарь отражал щитом, но некоторые выпады проходили и на доспехах маршала уже показались вмятины и пробоины – в то же время ни

один из его ударов не попал в цель. От одного особенно сильного удара вампира щит Валента разлетелся. Маршал, видимо собрав последние силы, отбросил обломки щита в лицо противнику и схватив палицу обеими руками, неожиданно быстро для закованного в латы человека его комплекции, прыгнул вперед. Палица обрушилась на вампира – тот уже не успевал увернуться и сделал все что мог – принял удар на подставленный меч, который также схватил обеими руками. Бам-м! – вампиру удалось отбить палицу, но его меч раскололся и обломок ударил его в голову. В мгновенно наступившей тишине сотни глаз следили, как он медленно, словно нарочно не спеша, опускается на истоптанный окровавленный песок двора... Внезапно из-под шлема густо хлынула кровь, заливая красивое дерзкое лицо вампира. Тут же над телом вновь закипела жестокая схватка. Сплотившиеся было вокруг своего молодого предводителя, солдаты вампиров рассеялись и их принялись убивать без пощады.

Вдруг все звуки боя перекрыл низкий хриплый рев – старый вампир ринулся с крыльца к телу своего поверженного родича, потрясая огромной обоюдоострой секирой.

* * *

Под натиском обезумевшего великана альдийцы вновь попятнулись. В несколько секунд десяток воинов буквально разлетелись в разные стороны под ударами секиры старика. А тот не останавливался, пока следовавшие за ним солдаты не подхватили неподвижное тело молодого вампира и не отволокли на крыльцо. После этого битва во дворе замка затихла. Полторы дюжины защитников замка сгрудились на крыльце, сомкнув щиты и выставив копья, напротив них широким полукольцом стали латники, спешившиеся рыцари и ополченцы Альды – никто не хотел приближаться к крыльцу с его страшным защитником, возвышавшимся над сомкнутыми щитами, как башня над крепостной стеной.

– Боюсь, здесь не обойтись без помощи магии, ваше величество, – обратился к демону Сарнак, – этот вампир слишком силен.

– Жаль будет побеждать такого противника магией, это как-то нечестно, – ответил тот, – неужели никто из моих бойцов не осмелится бросить ему вызов? – Король обвел взглядом окружавших его дворян – те старательно прятали глаза. – А вы, маршал, как вы считаете – есть ли у вашей палицы шансы против этого топора?

Маршал с тяжелым вздохом молча поднял палицу и повернулся к крыльцу, но тут вмешался Кадор-Манонг:

– А почему бы вашему величеству не показать нам всем, как биться с вампирами?

– Ну что ж, это будет, пожалуй, даже забавно, – с готовностью откликнулся тот, – маршал, вы сегодня уже достаточно проявили свою доблесть – оставьте этого мне, прошу вас!

– Как будет угодно вашему величеству, – деланно-спокойно согласился Валент, однако в его голосе облегчения было столько, что скрыть это было невозможно.

Демон опустил забрало своего шлема и шагнул к крыльцу, вытягивая из ножен Черную Молнию. Выйдя перед неровным строем своих воинов, он отсалютовал мечом старому вампиру, вызывая того на поединок. И этот красноречивый жест, и то, как расступились перед Ингви его соратники, и корона на его шлеме недвусмысленно должны были сказать старому вампиру, что ему предлагают решить судьбу схватки в поединке предводителей обеих сторон. Тот, видимо поняв это, раздвинул щиты своих бойцов и грузно шагнул навстречу королю...

Пока противники сходились в центре пустого пространства между занятым воинами вампира крыльцом и альдийцами, установилась невероятная тишина – лишь поскрипывал песок под ногами, да шелестели перья на шлемах дворян. Не было даже обычных в таких случаях криков, какими обычно обе стороны поддерживают своего бойца. Было очевидно, что и те, и другие желают победы своему командиру лишь с оговорками.

Дон-н! – Столкнулись в воздухе лезвия меча и топора. Дон-н! Дон-н! Схватка напомнила всем присутствующим недавний поединок Валента Гранлотского с младшим вампиром – вновь щуплый, низкорослый воин легко отражал удары огромного противника, только в этот раз бойцы выглядели еще более гротескно, поскольку старый вампир был не только значительно шире в плечах, гораздо массивнее и тяжелее короля Альды, но и гораздо выше ростом. Тем не менее меч демона, зрительно казавшийся еще более легким из-за черного цвета, разил даже с большей силой, чем гигантский топор вампира...

* * *

Я был уверен в себе, принимая вызов, фактически брошенный мне Кадор-Манонгом. Черт с ним, с моим тщательно оберегаемым секретом, сейчас довольно-таки подходящий случай показать моим подданным, на что способен их король. Я был уверен, что этот «вампир» – не мастер меча, не фехтовальщик. Своих противников он побеждал за счет грубой силы, а уж в этом-то я ему не уступлю, учитывая мои магические штучки. Вообще-то, весь этот поход был затеян мною в основном для того, чтобы продемонстрировать всей Альде свои таланты воина и полководца, заработать авторитет щедрого (вспомнить только устроенный мной трехдневный праздник) и победоносного монарха. Так что победа в поединке с таким опасным противником, что напугал даже моего героя-маршала, покроет меня славой! К тому же я имел свои виды на этого старого монстра – я полагал, что измотаю его, только обороняясь и отражая все его удары, а затем – когда он устанет и убедится в непробиваемости моей защиты – я предложу ему почетную капитуляцию. Мне очень хотелось во-первых, задать ему несколько вопросов о природе его «вампиризма», а во-вторых – завербовать этого вояку в свою армию. Он, сражаясь на моей стороне, внушал бы страх врагам и своей огромной мощью, и своей жуткой славой упыря.

Поначалу все шло как по-писаному. Все сокрушительные удары секиры старика я точно парировал нечеловечески-мощными ударами моей Черной Молнии, что должно было хотя бы озадачить вампира – он не должен был подозревать во мне такую силу, принимая во внимание мою комплекцию. Однако наш бой все продолжался, а я не замечал в моем враге ни усталости, ни удивления. Тем более мне захотелось иметь такого воина на своей стороне. Наконец-то я начал замечать первые признаки усталости вампира – его дыхание стало более громким и частым, еще бы – при его-то весе! Мне даже показалось, что я замечаю в его глазах боль и сознание обреченности. Однако он упорно продолжал нападать и нападать, видимо, все еще надеясь завершить поединок одним мощным ударом, прошло еще немало времени, прежде чем он, наконец, хрипло дыша, отступил на несколько шагов и опустил оружие. Тогда я также сделал шаг назад и положив клинок на плечо, обратился к старику:

– Я хотел, чтобы ты сам убедился, что не сможешь победить в этом поединке. Как видишь, ты уже устал, а я даже не запыхался (на самом деле, я тоже здорово вымотался, но надеялся, что это не заметно). А потому, думаю, теперь ты прислушаешься к моему предложению – сдавайся. Я не знаю, как ты величаешь себя, но, полагаю, никому не зазорно сложить оружие перед королем Альды. Я же даю тебе слово, что плен будет почетным, а в дальнейшем я предложу тебе поступить ко мне на службу и занять место среди первых дворян моей страны! Такому великому воину, как ты, не подобает ютиться в развалинах и промышлять ночным разбоем – на королевской службе ты сможешь жить с подобающей пышностью и почетом!

Мне показалось, что эта торжественная речь произвела на старика должное впечатление – с минуту он размышлял, тяжело переводя дыхание, затем вскинул свой гигантский топор себе на плечо и кивнул. Я, разумеется, расслабился – и тут вдруг старый злодей прыгнул на меня, взмахнув секирой. Прыгнул – это слабо сказано, у меня просто в глазах потем-

нело, когда эта гигантская туша взвилась в воздух надо мной, закрывая, казалось, пол-неба! Мелькнула мысль – заколдованных доспехов ему не пробить, но если этакий слон рухнет на меня – я превращусь в котлету внутри своего панциря. Машинально я метнулся вперед (чтобы уберечься от лезвия секиры) и вправо, припадая на колено. Руки в то же время действовали механически, посылая навстречу врагу клинок – сказались уроки фехтования, данные мне Сарнаком. Вся эта сцена, которую я описываю так долго, длилась, разумеется, какие-то доли секунды, мне же тогда показалось – прошла вечность. Сквозь забрало шлема видно не так уж здорово, к тому же я был малость оглушен. Поэтому я не сразу опомнился, несколько секунд неподвижно простояв на колене и по-прежнему сжимая рукоять меча, направленного вверх. Затем, все еще плохо соображая, начал подниматься, озираясь вокруг...

В двух шагах от меня лежал мой противник. Он еще дышал, с хрипом и бульканьем всасывая воздух, но дела его были плохи – мой меч буквально распорол ему грудь, когда он сам свалился на его черное лезвие. Машинально я глянул на свой меч – янтарь больше не блеснул под косыми лучами низкого вечернего солнца, все лезвие было покрыто кровью. Поднявшись на ноги, я огляделся – за моей спиной молчали мои подданные, впереди, на высоком крыльце – враги. Тишину нарушил один из этих воинов, молодой рыжебородый парень – растолкав щитоносцев первого ряда, он спустился во двор и швырнув на грязный песок свой меч и небольшой круглый щит, отошел в сторону и уселся, обхватив колени руками и опустив голову. Его поступок словно подтолкнул остальных – они стали по одному спускаться со ступеней, с лязгом бросать оружие в быстро растущую груды и отходить вбок. Это, конечно, была победа, но мне почему-то стало невыносимо грустно, даже слезы на глаза навернулись. Сам не знаю, что это такое на меня нашло – я стоял, подняв забрало, не в силах оторвать глаз от умирающего гиганта и все бормотал:

– Ну зачем же ты так, старик, ну зачем же...

Вампир вдруг открыл глаза и неожиданно громко и внятно сказал:

– Я верю тебе, король, ты, верно, и впрямь хотел сделать меня своим дворянином, да только я здесь и сам жил королем – королем и умру... Никогда никому служить не стану... У-у-у... – его лицо сморщилось от боли.

– Я постараюсь снять боль – ответил я и начал припоминать соответствующее заклинание.

Оно, видимо, подействовало – на лице раненого появилось какое-то подобие улыбки.

– Благодарю тебя, король-волшебник, – гораздо тише сказал он.

Спустя пару минут глаза его закатились, а я все стоял, не в силах оторвать взгляд от этого человека, умершего свободным и предпочевшего такую свободу жизни слуги...

Не знаю сколько я так простоял – минут десять, наверное... Потом я, словно стяхивая наваждение, начал возвращаться к действительности. Даже удивительно, как это я не замечал, как галдят вокруг меня мои вояки – они на все лады обсуждали подробности моего поединка с хозяином замка, вворачивая при этом такие детали, что я понял – сегодня я вошел в легенду. О поединке демона с вампиром сложат песни и баллады. И там все до последнего слова будет правдой – как бился бесстрашный король Альды с подпирющим небеса великаном, как пел песню смерти его черный меч, как от гула ударов рушились стены и валились наземь люди, как эхо этого гула три дня бродило по ущельям окрестных гор и как черная кровь вампира по колено затопила двор заколдованного замка... Что ж, именно этого я, в сущности, и добивался. Теперь я получу достаточно авторитета и уважения, чтобы приступить к кое-каким реформам и преобразованиям, идущим вразрез с местными обычаями и традициями – славному победителю и грозе вампиров позволено гораздо больше, чем полусамозванцу-полуузурпатору, занявшему трон лишь из-за страха местных перед демонами и каких-то старинных полузабытых обычаев...

Глава 13

Бой был окончен, оба вампира, сражавшиеся с альдийцами – мертвы. Ингви устало проковылял к крыльцу, стянул латные перчатки и шлем, вытер пот, оставляя на лице грязные полосы и тяжело опустился на ступени. Там он сидел, устремив отсутствующий взгляд в одну точку, пока ополченцы оттаскивали убитых, сортировали трофеи (в числе которых оказались несколько труб замысловатой формы, в которые и дудели защитники замка, производя шум, так напугавший вначале альдийцев) и оказывали помощь раненым. Впрочем, его участие не требовалось. Сарнак с надлежащим эскортом отправился в столицу с вестью о победе, а сэр Валент отдал необходимые распоряжения – воины распахнули уцелевшую створку ворот, впуская в замок фургоны, сам маршал тем временем, взяв с собой нескольких латников, отправился осмотреть замок. Спустя минут двадцать он вернулся к сидящему на крыльце королю:

– Ваше величество, мы обыскали помещения замка. Врагов более не обнаружено – только бабы-прислужницы... Да вот еще...

– Обнаружили что-то непонятное?

– Вроде того... Вашему величеству лучше бы взглянуть...

Ингви поднялся, опираясь на меч и пошел вслед за маршалом. Внутренние помещения замка отличала простота обстановки, да еще нарочитая мрачность – чувствовалось, что тот, кто обставлял покои, стремился сделать убранство как можно более устрашающим. В декоративных украшениях преобладали черепа, страшные маски с оскаленными клыками и тому подобное. Во всем чувствовалась глубокая древность – казалось, здесь сотни лет ничего не менялось, перила лестниц и дверные ручки были отполированы до блеска тысячами прикосновений...

Проведя короля сквозь несколько залов и переходов, маршал подвел его к дверям и остановился, пропуская Ингви. Тот распахнул тяжелые створки, вышел и замер, озираясь. Перед ним был двор – точная копия того двора, где недавно отгремела схватка с вампирами, те же стены, башни, так же земля посыпана песком, в центре двора – такой же каменный бассейн, зачем-то наполненный костями. В первую минуту королю показалось, что он туда и вернулся, однако замковые ворота были целы, не было ни фургонов, ни солдат, ни крови на песке.

– Действительно, странно... Вот что, сэр Валент. Соберите-ка десятка два солдат понадежнее. А коней привести сюда можно?

– Конечно.

– Тогда, пожалуй, не два, а четыре десятка – двадцать конных и двадцать пеших. Пока солнце не село и довольно светло, я хочу взглянуть – что там, за воротами...

Вскоре у таинственных ворот собрались почти все воины – всем хотелось посмотреть. Несколько латников взойшли на стену, один из них крикнул, что по ту сторону замок окружает пустошь шириной метров сто-сто двадцать (как и с другой стороны), за ней лес и довольно хорошо накатанная дорога. По команде маршала ополченцы распахнули ворота и отряд во главе с королем двинулся по дороге в лес. В этот отряд были включены все конники, в том числе и Кадор-Манонг, несмотря на его нытье, что, дескать, надо подождать до утра, что сегодня сделано достаточно и прочее в таком же духе... Забрала были опущены, оружие все держали наготове.

– Для начала нам бы стоило допросить пленных, – спохватился Ингви.

– Да, верно, а я-то про них забыл... – ответил Валент.

– Я тоже. Ну ничего, скоро мы во всем разберемся сами, я думаю.

Через десять минут отряд вышел из леса – перед альдйцами расстилались возделанные поля, вдаль виднелась деревня совершенно обычного и мирного вида, над трубами поднимался дымок...

Ингви поднял забрало и убрал меч в ножны:

– Я, кажется, понял, в чем тут дело. Наверняка в этой деревушке мы отыщем всех, кто таинственно исчез в последнее время – живых и здоровых.

– Как же так, ваше величество? Ведь вампиры... – маршал озадаченно замолчал.

В деревне тоже заметили подходящих воинов – у дороги начали собираться люди...

* * *

Я оказался совершенно прав! Даже удивительно, до чего я оказался прав! Эти пресловутые «вампиры» оказались просто-напросто ловкими прагматиками, сумевшими довести феодальную систему до абсолюта. Они властвовали над телами и душами своих крестьян не на основании законов и правил – писанных и неписанных – но благодаря чуть ли не религиозной вере последних в колдовскую природу этой власти! Разумеется, такая система имела и свои недостатки – запуганные своими господами до полусмерти крестьяне трудились не так эффективно, как их собратья «на той стороне», но зато какое послушание!

Выглядело это так – захваченных в плен людей подвергали процедуре запугивания с помощью чрезвычайно мрачного и торжественного ритуала – и весьма действенного к тому же, как показала практика. Затем ошарашенных, сломленных пленников некоторое время – не менее недели – держали в подвале замка в полной темноте. После всей этой психологической обработки их выводили из замка – но выводили из других ворот. Как выяснилось, замок запирал выход из довольно обширной долины – этакое затерянного мира. Бедняги и не подозревали, что оказывались с другой стороны замка – им казалось, что ужасные вампиры магическим образом изменили весь мир, пока они были в плену, что спасения поэтому и быть не может. Бежать было некуда (пленникам не могло прийти в голову, что путь домой лежит через замок), оказывать сопротивление – немыслимо, а Отвесные горы, окружающие долину – неприступны. Вот таким-то образом хозяева замка добились абсолютной власти над своим народцем. Конечно, походы за пленниками приходилось постоянно повторять – продолжительность жизни запуганных, морально опустошенных людей была невысока, уровень рождаемости – и того ниже. Разумеется, доставленные последними пленники рассказывали старожилам долины о том, что мир снаружи ничуть не изменился, что вампиры не властвуют над всей землей, но страх пересиливал логику – каждый знал, что его поймали, привели в замок, затем из этого замка выпустили туда же, откуда и привели – и все тут. Колдовство – сами понимаете.

Кстати, такой подход свойственен, видимо, всем жителям этого Мира – любое непонятное явление природы здесь объясняют колдовством и не делают малейших попыток отыскать более естественные причины.

Даже воины и челядь вампиров не знали этой тайны двойного замка – за исключением нескольких наиболее доверенных, родившихся в замке и являвшихся потомственными слугами его владельцев. Для всех остальных некоторые помещения замка было запрещено посещать. Впрочем, даже эти, знающие правду, считали своих хозяев могущественными колдунами, прислужниками Гангмара Темного и были уверены, что им и вправду принадлежит власть над душами всех жителей долины.

Все это мы выяснили, как только побеседовали с жителями обнаруженной нами деревушки – выглядели, кстати, эти крестьяне какими-то пришибленными – до того их запугали. Даже известие о смерти вампиров их вроде не обрадовало – они повздыхали, поохали, покачали головами – и разошлись по домам, заявив лишь, что надо бы, дескать, сообщить

обо всем в другие деревни, расположенные в глубине долины и что на рассвете они отправят вестников... Действительно, в этой долине мы можем найти всех, пропавших вблизи замка, как я и сказал Валенту. И почти все они, кстати, либо бывшие вассалы принца Кадор-Манонга и его предков, либо потомки этих вассалов. Над всем этим стоило поразмыслить, да и вечерело уже – поэтому я объявил, что мы возвращаемся в замок, где и заночуем.

На обратном пути я размышлял о том, что было бы и впрямь здорово взять в плен и расспросить этого старого «вампира». Впервые я встретил в этом Море такой прагматизм, такой здравый, деловой подход к обустройству, так сказать, власти. И ведь вот что интересно – замку «вампиров», а стало быть, и их системе ведения хозяйства, – сотни лет. Значит, кто-то очень давно, в незапамятные времена придумал все это! Загадки, загадки... В-общем, нам было бы о чем поговорить со стариком. Как жаль, что он решил все по-другому, как жаль...

* * *

В замке согласно старинным традициям, свойственным любому народу, победители отмечали победу пиршеством. В самом большом зале захваченного замка были накрыты столы, за которыми расселись победители. Поначалу мрачная обстановка давила на воинов, но после нескольких кубков вина страхи забылись, все от души веселились. В верхнем конце стола разместились дворяне – Ингви с Кендагом, который приняв участие в схватке, доблестно сразил двух неприятельских солдат и получил удар секирой старого вампира, вырубивший его минут на двадцать, маршал, Кадор-Манонг, а также сэр Мернин из Арника и сэр Лимни из Гернивы – рыцари, не успевшие убежать достаточно далеко и участвовавшие в штурме. Теперь победителям было легко убедить себя в том, что они – славные герои, доблестно взявшие приступом заколдованный замок вампиров, позорное бегство было не в счет – ведь они все же вернулись и приняли участие в схватке! Теперь весь позор достанется шестерым рыцарям, бежавшим быстрее, а они – великие воины, достойные почестей, наград, а также и доли в добыче. Вот так.

Постепенно разговор обратился к этой приятной теме – дележу добычи. Вопреки ожиданиям, делить предстояло немного – главную ценность представляла собой захваченная земля – плодородная и возделанная, населенная необычайно послушными крестьянами. Согласно традиции, хозяином земли становился победитель прежнего ее владельца и предводитель, командовавший победившим войском, то есть в любом случае – это был Ингви. Правда, возникла заминка, когда принц Кадор-Манонг предъявил свои права на сервов – крестьян-крепостных, которые являлись как-бы движимым имуществом и также представляли собой немалую ценность – вернее, без крестьян земля теряла значительную часть стоимости.

– Это мое им-мущество, ук-краденное у меня, – заикаясь, заявил слегка захмелевший принц, – и оно подлеж-жит воз... воз... возврату!

При этом рыцари согласно покивали. К правам сеньора они относились очень серьезно.

– Ну, что ж, принц, разберемся. Ваши взаимоотношения с вассалами определены уложениями короля Вензигера, – при этом рыцари вновь покивали – они никогда не читали уложений, но название знали и сами любили поминать, – а этот документ определяет как ваши права по отношению к сервам, так и обязанности. Ничего особенного – обычные нормы, то есть вассалы хранят верность сеньору, трудятся на его полях, либо платят, либо сражаются по его призыву под его знаменем.

Тут демон отхлебнул из кубка – дворяне также приложились, не забыв покивать в знак согласия и демонстрируя внимание к словам короля, а тот продолжил монотонным ровным голосом:

– ... А сеньор взамен судит их, защищает и оберегает. Заметьте – защищает и оберегает! Что же касается данного случая, то вы, мой принц, не слишком уж старательно защищали и оберегали своих вассалов, не так ли, господа? – рыцари прихлебывали вино и кивали попеременно, им спор уже успел поднадоесть, – так что лишаетесь прав на этих сервов. Таким образом, эти самые крестьяне – крепостные по своему праву состояния – становятся выморочным имуществом и в качестве приза переходят к победителю – то есть ко мне. Что скажете, господа?

– Сам Вензигер не рассудил бы лучше, – заявил маршал Валент. Не то, чтобы этот честный вояка понимал что-то в юридических тонкостях, просто его раздражало вечное нытье Кадор-Манонга и ему казалось, что ситуация ясна – кто убил вампира, тому и владеть его имуществом.

Сэр Мернин из Арника вновь покивал, а сэр Лимни из Гернивы – сосед Кадор-Манонга, задолжавший принцу к тому же солидную сумму – не рискнул ни спорить, ни соглашаться и уткнулся в свой кубок.

– Более того, – так же монотонно и нудно продолжал Ингви, – если среди этих сервов есть такие, у которых семьи проживают, скажем, в ваших, принц, владениях – эти семьи также переходят ко мне, то есть воссоединятся с принадлежащими мне родственниками, я же верну вам в качестве компенсации их стоимость, но об этом мы поговорим после. Сейчас не время для таких дел – будем веселиться, ведь сегодня мы одержали славную победу!

С этим дворяне были полностью согласны и с облегчением дружно вернулись к вину и яствам.

Зато принц всячески старался демонстрировать свое несогласие и недовольно бурчал себе под нос какие-то невнятные фразы, впрочем очень тихо, так что все могли с чистой совестью делать вид, что не слышат. Вскоре, впрочем, принц, старательно заливавший недовольство вином, уронил голову на сложенные на столе руки и захрапел. Маршал Валент брезгливо указал на него прислуге, приказав отнести куда-нибудь и уложить, а затем отправился распорядиться о смене часовых. Несколько солдат получили накануне приказ не напиваться и быть готовыми к несению караула. Теперь они заступили на посты у ворот и на стенах, а воины, несшие стражу до них, поспешили в зал наверстать упущенное веселье, переговариваясь по дороге:

– Что ни говори, а замок-то заколдованный.

– Это точно – я вот гляжу с час назад: вроде кто-то крадется по двору, какой-то черный ком. Глаза протер – никого. И звуки вроде какие-то странные слышатся...

– Верно, я вроде как тоже чего-то слышал...

– Да будет вам друг дружку-то пугать! Никакого колдовства тут не было – сами же видели – и трубы эти, и все другое прочее...

– Ну нет, что ни говори, а дело тут все же нечисто. Ну да ладно, идемте в зал – опрокинем по кружке-другой, пока без нас все вино не прикончили...

Глава 14

Возвратившись в столицу с вестью о победе, Сарнак застал город в состоянии если не мятежа, то смятения. Если бежавшие от замка дворяне помчались в свои замки и поместья, то несколько десятков ополченцев часа за два до мага добрались до Альды и теперь сеяли панику, рассказывая всевозможные небылицы об ужасной участи своих товарищей. Все цеха прекратили работу, горожане высыпали на улицы, сбиваясь в толпы и на все лады обсуждая принесенные беглецами известия, которые по мере обсуждения становились все более ужасными и нелепыми... Наконец, довольно большая группа горожан – в основном, жен не вернувшихся ополченцев, – подогреваемая и раззадориваемая несколькими ораторами с Северной стороны, надеющимися вызвать смуту и половить рыбку в мутной воде, двинулась от городских ворот к Альхелле, выкрикивая угрозы и проклятия. Как раз в это время в ворота въехал Сарнак с несколькими латниками эскорта. Мгновенно сообразив что происходит, он пришпорил коня и бросился вслед толпе и заорал, используя заклинание Громкого Гласа, которому его обучил Ингви накануне коронации:

– Радуйтесь, добрые люди! Победа! Победа! Замок взят! Наш король в поединке одолел главного вампира! Победа! Победа!

При этом колдун не стеснясь пробивался к центру толпы, расталкивая и едва не топча конем горожан. Настроение у толпы тут же переменялось, все наперебой принялись расспрашивать Сарнака о подробностях боя, горожанки интересовались, когда же вернутся мужья, кто-то первым истошно завопил:

– Да здравствует король!

– Да здравствует король! Слава! – подхватили десятки глоток и толпа вновь двинулась к дворцу, но уже совершенно в другом настроении.

Во дворце молодого мага встретил бледный и перепуганный сэр Мертенк в кольчуге и с мечом.

– Слава Гилфингу, вы появились вовремя! А я уж приказал слугам вооружиться, думал, что эта чернь попытается штурмовать Альхеллу... Так что же? Мы и вправду победили? Расскажите же, что там произошло в самом деле.

– Потом, сэр Мертенк, потом. Сейчас я должен не дать остыть этим болванам. Кто-то подстрекает их к мятежу... Идемте на балкон!

С балкона Сарнак повторил свое сообщение о победе и затем принялся пространно рассказывать о штурме замка, не жалея красочных подробностей. Толпа, затаив дыхание, ловила каждое слово оратора, раздражаясь аханьем и вздохами при каждой леденящей душу сцене... Эти люди, словно дети охочие до страшных сказок, верили каждому слову мага. Минут через двадцать пять колдун призвал всех идти в храм Гилфинга Светлого, расположенный на площади напротив Альхеллы, вознести благодарственные молитвы за дарованную воинству Альды победу и вся толпа в едином порыве двинулась от дворца...

– Ну вот, с этим мы управились, – заключил Сарнак, – признайтесь, сэр канцлер, это был хороший ход – отправить их молиться. Пусть-ка остынут и разойдутся по домам в благостном настроении.

– Да-да, но скажите – это правда? Наши и впрямь победили?

– Правда – все до последнего слова! Замок взят, а наш король сейчас, должно быть, делит добычу или пирует со своими соратниками.

– Однако, говорят, наше войско бежало под ударом колдовства вампиров...

– Да, кое-кто разбежался под ударом своей трусости и невежества, но мы все же победили... А трусы будут наказаны, я думаю. Вам же, насколько я понимаю, предстоит готовить

церемонию встречи победителей, да и пошлите-ка, пожалуй, людей разузнать, кто сегодня мутил воду... Но как, все же, Гангмар побери, ловко я отправил их в храм!

– Ловко, сэр колдун, ловко... Не мешало бы и перед выступлением отслужить молебен Гилфингу-Воину, как это обычно делалось перед каждым походом, – канцлер говорил о старинном альдийском обычае посвящать перед уходом на войну свое оружие божеству. Это был красивый, хотя и несколько мрачный ритуал – воины в доспехах молча молились Гилфингу, затем под пение хора священников по одному подходили и возлагали свои мечи на алтарь...

– Может быть и стоило, но вы же знаете, как наш епископ относится к его величеству...

– Да уж... Но, возможно, теперь он переменит свое мнение. Вы уж поговорите с королем – вас его величество послушает, я полагаю... А я бы поговорил с его священством... Не годится королю жить в раздоре с епископом.

– Но ведь наш король... он ведь...

– Да... – и оба задумались о том, возможно ли согласие между священником и демоном.

* * *

– ...И вот таким образом становится понятным тайный смысл старинной легенды о том, что Гунгилла Прекрасная после того, как Гилфинг Светлый покинул Мир, утратила телесный облик и как-бы растворилась в своих бессловесных созданиях – растениях и животных – и присутствует везде, где есть ее творения и в то же время нигде конкретно. Как видите, ваше императорское величество, совсем не сложно!

– М-да-а, в общем-то...

– А сейчас, поскольку – судя по песку в этих часах – время нашей беседы истекает, я воспользуюсь оставшимися минутами и обращусь к вашему императорскому величеству с покорнейшей просьбой.

– Все, что угодно, кузен, все что угодно...

– Суть моей просьбы заключается в том, что я попрошу ваше императорское величество во время одной из наших бесед выслушать некоего человека.

– Ладно, приводите этого человека. Он что же – теолог, мудрец, мыслитель?

– Отнюдь, ваше императорское величество, отнюдь. Его идеи просты и безыскусны – и тем не менее я прошу выслушать их, ибо прозреваю за ними великое будущее.

– Вот как!

– Этот человек – его имя, кстати, Когер – незначительный клирик из провинции. Он уже направляется в столицу, но еще не знает, кто пригласил его. Мы назовем вымышленными именами и представимся священниками, занимающими довольно невысокое положение в церковной иерархии – брату Когеру вовсе незачем знать, что он беседует с архиепископом и императором. Мне бы весьма хотелось, чтобы вы, ваше императорское величество, выслушали его...

– Что ж, приводите этого вашего Когера – я распоряжусь предупредить охрану...

В коридоре Элевзиль II, как обычно, сбросил мантию и двинулся к тронному залу. За ним семенил, пыхтя и переваливаясь, канцлер – низкорослый толстячок.

– Ну, так что там у нас на сегодня? – поинтересовался император.

– С позволения вашего императорского величества, два приема – посольство гномов и этот сумасшедший колдун из Альды, – сопя и задыхаясь отвечал канцлер, которому тяжело было поспевать за широко шагающим рослым монархом и докладывать одновременно.

– Опять гномы... Что на сей раз? И неужели нельзя было отказать как-нибудь этому... как его... в-общем, этому колдуну?

– Что касается гномов, то причиной послужил ювелир Ганпетус...

– А, помню – этот гном получил вид на жительство в столице и обслуживает наш двор.

– Именно так, ваше императорское величество. Он утверждал, что его комнату в трактире, где он остановился, ограбили. Когда же хозяин трактира отказался возместить убытки, сей гном, напившись, начал буянить и вместе со своими учениками разнес трактир, фактически, на куски. Стража пыталась арестовать буянов – те оказали сопротивление, при этом трое стражников серьезно ранены. Наконец, при помощи гвардейцев, все четверо гномов арестованы и заключены в тюрьму. Это-то и послужит, по-видимому, содержанием ноты протеста посла гномов.

– По-видимому? – император остановился перед дверями в тронную залу и строго посмотрел на канцлера. Следовавшие за ним слуги тут же кинулись распахивать тяжелые створки.

– Посол отказался назвать причину, по которой требует личной аудиенции у вашего императорского величества, но заявил, что в случае отказа он объявит войну и бросит вызов вашему императорскому величеству от имени своего короля. Что же касается колдуна... э-э... – канцлер, пользуясь остановкой, порывлся в своих свитках, которые держал в руках, – э-э... Гельды-колдуна – то он уже давно обивал пороги моей канцелярии, а сегодня примчался с утра, твердя, что сообщит вашему императорскому величеству сведения государственной важности и при этом наделал много шума, чему стали свидетелями несколько дворян. Отказать в аудиенции не представлялось возможным. А затем уже прибыли послы гномов.

– Ну что ж – примем и его. Возможно, это окажется забавным.

Император вошел в зал, стоявшие в почетном карауле у трона гвардейцы отсалютовали. Элевзиль направился к возвышению, на котором стоял трон:

– Вот что, пусть сюда подойдет маршал и доложит о состоянии армии и готовности к войне, затем минут через двадцать – зовите послов, а уж после – примем колдуна... Да, пусть придворный маг тоже при том присутствует, – вспомнил император, усаживаясь на трон.

– Маршал Каногор и придворный маг Гимелиус уже оповещены и спешат сюда, – доложил канцлер, подавая императору скипетр.

– Отлично, сэр Гвино, отлично. Вы весьма расторопны... Но гномы, каковы эти гномы! Они готовы развязать войну из-за ареста какого-то ювелиришки, какого-то пьянчуги – и это после того, как мы нанесли им ряд тяжких поражений в последней кампании!..

– Но зато они наголову разбили наше войско в предпоследней, причем пал маршал имперского войска! – провозгласил маршал Каногор, входя в зал.

Сэр Каногор, не стесняясь, напоминал об этом поражении, поскольку любил утверждать, что имперские войска стали побеждать лишь после того, как маршалом был назначен он – Каногор из Эстака. На самом же деле, подлинным победителем гномов был капитан ок-Икери, одержавший ряд побед во второстепенных схватках и тем вынудивший врага просить мира не доводя дела до генерального сражения. Об этом было известно всем участникам войны, тем не менее Каногор всю хвастал, да еще и называл это «простой и грубой прямоотой солдата». Именно этим обстоятельством, очевидно, и было вызвано назначение сэра Брудо в далекую провинцию (и подальше от гор Гномов) – маршал не любил соперников.

– Ну-ка, сэр маршал, введите меня в курс дела, – потребовал император, – готова ли наша армия к войне, которой нам грозит король гномов. Вы, видимо, правы – он жаждет реванша, памятуя об этой давней победе...

Слушая монотонное бормотание маршала, бубнящего о гарнизонах, запасах провианта и состоянии дорог, император с тоской подумал: «Какой смысл быть императором величайшей державы Мира, если тебе грозят войной из-за ареста какого-то пьяного дебошира, если маршал смотрит на войну, как на способ обогатиться и упрочить свое положение при дворе, если целыми днями приходится выслушивать каких-то дерзких послов и амбициозных колдунов...» Когда сэр Каногор замолчал, Элевзиль промолвил:

– Да, жаль, что отсутствует капитан ок-Икерн, он слыл экспертом по войнам с гномами, – легкая шпилька в адрес маршала, – сэр Гвино, давайте мою корону и зовите послов.

Слуги распахнули двери в противоположном конце зала и перед императором появились гномы, старательно изображающие на лицах безмерную отвагу и праведный гнев.

* * *

Даже известие о беспорядках в городе, привезенное Сарнаком, не смогло испортить мое спокойное, приподнятое настроение. От вчерашнего уныния не осталось и следа. Все утро я провел в седле, объезжая в сопровождении дворян свои новые владения. При этом, слушая разговоры моих добрых рыцарей, я сделал удивительное открытие. Именно сейчас, после победы над вампирами я впервые почувствовал себя «принятым в клуб» – дворяне обращались ко мне подчеркнуто уважительно и всячески старались выразить свою приязнь. И не подумайте, пожалуйста, что это уважение вызвала моя доблесть – нет! Хотя, конечно, и доблесть тоже, но... Земля и крестьяне! Все дело в земле с крепостными крестьянами! Будь я король-раскороль, будь я величайший воин всех времен и народов – в глазах этих сеньоров я выглядел бы неполноценным, не имея клочка земли и горстки сервов... Да любой из тех хвастливых сантлакских дворянчиков с их точки зрения больше достоин уважения, чем их собственный сюзерен, при том условии, разумеется, что где-то за тридевять земель имеется болотистый лужок, на котором проживают несколько жалких забитых крестьян, величающих этого дворянчика «господин».

Да что там говорить – даже на Сарнака и Мертенка, наделенных в Альде огромной властью, наши дворяне поглядывали свысока – лишь потому, что у этих двоих не было своих наследственных владений! Сэр Мертенк как-то обмолвился невзначай, что копит деньги, чтобы со временем приобрести небольшой участок земли с правом наследования и лишь после этого жениться, уйти на покой и жить в свое удовольствие. Все эти рассуждения навели меня на мысль предложить им – Сарнаку и Мертенку – взять в ленное владение две из пяти деревенок, обнаруженных нами в долине за замком вампиров. Своей верностью они это заслужили.

Поэтому когда, вернувшись в замок, я застал там прискакавшего из Альды Сарнака, мне не терпелось сообщить ему о своем решении. Вместо этого пришлось выслушивать его рассказ – он-то считал привезенные им вести очень важными и не сдержался, чтобы не похвалиться, как ловко он навел в столице порядок.

– Да-да, – наконец прервал я его, – это ты здорово придумал, насчет молитвы в храме. Я полагаю, что ты заслуживаешь награды. Как ты посмотришь на то, чтобы получить в лен одну из деревенок в этой долине – тебе ведь уже рассказали об... что с тобой?

На моего приятеля страшно было смотреть – он покраснел, затем побледнел, раскрыл рот, пытаясь что-то сказать:

– Ингви... Ваше величество... я, знаешь... я...

– Ну-ну, не нужно меня благодарить... Ты давно уж заслужил. Да ты успокойся, – я, глядя на него, тоже разволновался. – Послушай меня. Об этом мы поговорим после, а сейчас я расскажу тебе о дальнейших планах. Первым делом предстоит организовать торжественный въезд в столицу, кстати, эта идея – насчет благодарственного молебна и принесения даров в храм – интересна. Расскажешь мне поподробнее. А потом... потом мы отправимся на юго-запад страны. Помнишь, есть такой старинный обычай – король проводит Праздник сбора урожая со своими вассалами-фермерами?

– Да, такой обычай был. Король ездит по фермам, хозяева приветствуют его, угощают, но старый король Манонг...

– Да-да, старый король Манонг вечно был болен и никуда не ездил. Так вот, мы с тобой, в сопровождении свиты отправимся на Праздник урожая – навестим двух-трех фермеров, принесем благодарственные дары Гунгилле, а затем разделимся. Ты возьмешь с собой почти всю свиту и продолжишь эти попойки, создавая впечатление, что король гуляет где-то рядом, на соседней ферме. Я же тайно и быстро отправлюсь на восток, пересеку границу и поеду к оркам. Их король получил послание – он ждет меня, как сообщают вернувшиеся гонцы.

– А может, не стоит, Ингви? Из Черной Скалы никто еще не возвращался, знаешь ли...

– Стоит, стоит. Сейчас на кон поставлено все – надо делать следующий ход. А ты прикрой меня здесь – не хочу, чтобы знали, что король покинул страну. Ну, хватит дел. Пойдем, перекусим, обсудим возвращение в столицу, а там – и на коней, поедem осматривать твои новые владения.

М-да-а, как мой придворный маг разволновался, узнав о предстоящей награде... Надо будет Мертенку сообщить как-нибудь поосторожнее, а то еще кондратий на радостях хватит...

Глава 15

Настроение возвращающегося победоносного войска в Альду было радостным, не в пример тому унынию, что охватило воинов на пути к замку вампиров. Ополченцы весело вздымали пыль, дружно топая в такт походной песне – они предвкушали торжественное вступление в город, объятия любимых жен и предстоящие попойки с приятелями на честно заработанные деньги – король распорядился выдать каждому участнику штурма небольшую премию. Ох и порасскажут они землякам за кружкой-другой о своих подвигах, ох и наврут с три короба! Ох и попугают же подружек и жен ужасами заколдованного замка! А уж как достанется тем, кто был достаточно проворен и убрался вовремя слишком далеко, чтобы его не догнали латники маршала, когда вытаскивали разбежавшихся вояк из-под кустов...

Ехавшие во главе колонны предводители войска уже в третий раз обсуждали предстоящую церемонию торжественного молебна в храме. Принц Кадор-Манонг, испросив разрешения, покинул колонну и с несколькими всадниками поскакал наведаться в свой замок, мимо которого как раз проходило войско. Наконец и маршалу надоело слушать разговоры о грядущем ритуале и он отправился в хвост колонны, якобы для того, чтобы проверить, не отстали ли фургоны обоза. Проводив его взглядом, король оглядел окрестности – стояла чудесная пора, конец лета. Вдоль дороги шелестели едва начавшей желтеть листвой деревья, где-то среди ветвей щебетали невидимые с дороги птицы, перекрикивая стук копыт и лязг металла доспехов... Думать о делах не хотелось... Лениво щурясь под теплыми солнечными лучами, Ингви спросил:

– Скажи-ка, Сарнак, откуда этот странный обычай – воздавать хвалу Гилфингу-Воину? Я что-то не припомню, чтобы мне попадались легенды о воинских подвигах этого божества.

– Да есть такая легенда... Было это вскоре после Второго пришествия Гангмара Темного. Из моря в Легонте – там сейчас Сантлакское королевство, а в те времена Легонт населяли преимущественно эльфы – вышел гигантский змей. Вышел – и принялся разорять окрестности. Многие пытались биться с чудовищем, но все погибли. И казалось, что никто не сможет его одолеть – ни эльф, ни человек. И тогда вызвался некий воин Дантлин сразиться со змеем. Имя это скорее гномское, но легенда утверждает, что Дантлин был человек и даже сами гномы как будто не оспаривают этого. А надо сказать, что к тому времени, как храбрец вышел на бой с чудовищем, многие уже поверили, что не в силах детей Мира победить страшного змея и молились Гилфингу Светлому, чтобы вернулся он в Мир и защитил их. Ну, вышел Дантлин на бой и что там вышло у него со змеем – никто не знает, потому что все со страху попрятались. Но говорит легенда, что гремел гром и земля тряслась. Потом те, кто посмелее отправились осмотреть место великой битвы и нашли умирающего Дантлину, а от змея не осталось ничего – лишь нашли змеиный зуб длиной с человеческую руку, да пропаханный по земле след огромного тела, обильно политый кровью, что вел обратно в море... Больше змея никто не видел – ни живого, ни мертвого, а Дантлин почти сразу умер. Потом церковники пустили слух, что, дескать, это сам Гилфинг вселился в смертную оболочку, вняв молитвам и после победы над змеем вновь покинул Мир. С тех пор повелось славить Гилфинга-Воина, посвящать ему оружие перед походом и торжественно приносить в его храм трофеи – оружие поверженного врага, как дар божеству, особенно – какого-нибудь необычного врага, самого опасного... Так что в каждом храме есть придел, посвященный Гилфингу-Воину, а на стенах там – трофеи... Первым трофеем стал зуб морского змея, который хранится сейчас в соборе столицы Империи – города Ванетинии и даже в самой захудалой деревенской часовенке тебе покажут с гордостью какое-нибудь оружие побежденного врага – заржавленный кривой меч орка или, скажем, боевой молот гнома...

– Интересная легенда... Странно, что раньше я об этом ничего не знал.

– Неудивительно – эту трактовку одобряют не все церковные авторитеты. Скажем, блаженный Мерк, к примеру, считал, что Дантлин – просто человек, а не воплощение божества и погиб он как человек – за это Мерка и отлучили от церкви во второй раз. Впрочем, наш епископ расскажет тебе лучше, если расспросить его.

– Это намек? В смысле – я должен сблизиться с епископом?

– Нет-нет, я хотел только сказать...

– Ладно-ладно! Я же шучу! Но, как бы то ни было, у нас есть, что поднести в дар Гилфингу-Воину – оружие вампиров. Как раз необычный и опасный враг – то, что требовалось. Да, а поломанное оружие епископ примет? А то наш маршал младшему вампиру меч-то – того... сломал... – при воспоминании о вампирах король помрачнел и замолчал.

Сарнак был рад перемене темы – поскольку король раскусил его намек – и наступившему затем концу беседы, поэтому тоже не стал возобновлять разговор. Путь приятели продолжили молча...

* * *

– Вы были превосходны, ваше императорское величество, превосходны! Вы были тверды и не поддались ни на шаг!

– Ах, оставьте, сэр Гвино, оставьте эту лесть. Здесь не было ничего особенного.

– Нет-нет, как вы ловко разрешили сей дипломатический казус!

– Ну, собственно, казус был не дипломатического, а скорее юридического свойства – наша стража учинила самосуд, самовольно, без должных санкций, препроводив иноземных подданных в тюрьму, а те, в свою очередь, учинили самосуд над владельцем трактира, учинив месть согласно их гномьему обычаю также без приговора суда, – что ни говори, а император был горд собой, – самым трудным было лишь втолковать этот простой факт тупоголовым посланцам короля гномов. Ну да и Гилфинг с ними! Итак, что нам на сегодня еще предстоит? Ах, да! Этот колдун... как его там...

– Гельда-колдун, с позволения вашего императорского величества. Осмелюсь напомнить, что в коридоре дожидается придворный маг.

– Да-да, зови Гимелиуса!

В тронный зал важно вплыл Гимелиус – придворный маг императора – чудовищно жирный человек среднего роста, облаченный в зеленую мантию, покрытую причудливо вьющимися узорами. Он с гордостью именовал себя Гимелиус-Изумруд, такое имя указывало на то, что сей почтенный маг вел род от клана энмарских колдунов Изумрудов, изгнанных некогда из родного города конкурентами в результате обострения вражды династий «самоцветных магов». Теперь мастер Гимелиус возглавлял свой род – некогда изгнанников, а теперь потомственных колдунов при имперском дворе...

При взгляде на него император, как обычно, подумал: «ежели он такой великий маг, как любит говорить о себе, то мог бы, по крайней мере, сделать что-нибудь со своей внешностью!» – лицо колдуна походило на измятую подушку – среди складок жира совершенно терялись маленькие глазки, носик-пуговка и ярко-красные, вечно поджатые, губки. Толстяк важно проследовал к трону и занял место слева от императора. Вошедший в зал после этого Гельда – тощий костлявый аскет – представлял собой полную противоположность придворному магу.

После обязательных приветствий, во время которых колдуны поминутно обменивались неприязненными взглядами, Гельда объявил:

– Важные известия привели меня сюда! Сознавая как драгоценно время вашего императорского величества, я все же осмелился добиваться аудиенции, ибо странные события происходят ныне в Альде – странные и пугающие!

– Ну, и что же такого случилось в этой вашей Альде? – подал голос Гимелиус.

Не глядя на него, Гельда продолжил:

– У меня имеется магическая связь с преданным вашему императорскому величеству благородным дворянином, находящимся в Альде. Он сообщил мне о том, что проклятый демон отправился в военный поход! На вампиров! И одержал победу! При загадочных обстоятельствах! И использовании мощной магии! – каждая фраза сопровождалась взмахом руки.

– Пойдите, пойдите, мастер Гельда, – промолвил Элевзиль, – объясните-ка поподробнее.

– Сей коварный демон повел войско Альды на вампиров. Надо сказать, ваше императорское величество, на севере этой страны издавна гнездятся вампиры, построившие там неприступный замок и творящие всяческое зло тамошнему люду. И вот эта твердыня взята демоном. Упомянутый мною дворянин сам отважно участвовал в походе и был свидетелем поединка между демоном и вампиром! Жуткие вещи сообщил он! Сначала вампиры при помощи могущественного колдовства обратили вспять воинов Альды, но затем демон нанес ответный удар – и едва не разрушил при этом своими чарами замок, который сотни лет не могли взять Альдийские короли! А затем во дворе замка был поединок этих чудовищ.

– Да вы нам просто сказку рассказываете, мастер Гельда – прошипел Гимелиус.

– Ну-ка, погодите, господин маг, – прервал его император и кивнул Гельде, – продолжайте свой рассказ!

– Да, ваше императорское величество, был поединок! И все, кто был свидетелем тому, пришли в ужас – до того потрясающим было зрелище. Сей вампир – настоящий великан, вдвое выше ростом обычного человека – до того поражавший одним ударом по пять воинов за раз, был побежден демоном. Причем – и это полагаю весьма важным – демон, перед тем как нанести вампиру смертельную рану, предлагал тому то ли поступить к себе на службу, то ли заключить союз...

– И что же здесь важного?

– С позволения вашего императорского величества – то, что демон сей стремится собрать под свои знамена все темные силы – ведь и с орками он дружбу завел. Счастье еще, что вампир, движимый гордыней, отказал ему! Однако теперь демон заколдованным замком владеет...

– Мышиная возня... – вновь вмешался Гимелиус.

Упрямо игнорируя толстого мага, как если бы того вовсе не существовало, Гельда-колдун продолжил, обращаясь к императору:

– Сей демон, полагаю, весьма опасен. Он силен, как видно из его победы над вампирами – силен, но не всемогущ. Так сузу я, видя, что ищет он поддержку у темных сил нашего Мира. Однако с каждым днем злодей становится сильнее и помешать ему – долг всех честных людей, почитающих Гилфинга Светлого. Потому-то и поспешил я ко двору вашего императорского величества, отказавшись служить злодею, потому-то и сегодня спешу сообщить о новых кознях его. Ваше императорское величество, вы сильнейший государь Мира, вы великий защитник Добра и Света – к вам обращаюсь я! Не дайте злу иного мира укрепиться в нашей стране, освободите от него Альду, пока не окрепло сие зло... Иначе даже боюсь подумать, что ждет Мир...

– Ну-ну, к чему такой драматизм... Да и насколько мы помним, короли Альды в наше время пренебрегают вассальной присягой императору – так имеем ли мы право вмешиваться в дела Альды?... – задумчиво произнес император.

– Верно, верно, – подхватил тут же Гимелиус-Изумруд, – вы там в вашем захолустье творите Гангмар знает что, а императорскую власть признавать не желаете, но лишь только увязнете и запутаетесь в том, что сами натворили – тут же от его императорского величества ждете спасения! Вот, к примеру, как демон воцарился в Альде?

– Да-да, расскажите нам об этом. – потребовал Элевзиль.

Гельда смиренно опустил голову:

– Таков старинный обычай Альды – если король не оставит прямых наследников – предоставить выбор монарха беспристрастному суду существа иного мира... И следуя сему обычаю я, грешный, сам вызвал демона, – колдун говорил все тише и тише, но вдруг возвысил голос, – и ничего теперь не пожалею, чтобы исправить то, что содеял!

– Ну, что я говорил! – заключил маг в зеленом, – творят, что хотят, а император – спасай их потом...

На несколько минут воцарилась тишина, затем заговорил император:

– Мастер Гельда, все сообщенное вами весьма интересно. Нам бы хотелось узнать, как вы поддерживаете связь с этим дворянином в Альде.

– С позволения вашего императорского величества, при посредстве некоего могущественного талисмана, которым издревле владеет мой род.

– Мы желаем взглянуть на этот талисман.

– К сожалению, я не взял его с собой...

– Ничего, приходите вечером – и продемонстрируйте действие вашего талисмана нам и нашему придворному магу. – император поднялся, давая понять, что аудиенция окончена...

* * *

Войско приближалось к Альде. Ополченцы вновь загорланили песню, латники выровняли ряды, оруженосцы распустили знамена своих сеньоров. Ехавший рядом с Ингви Сарнак расчехлил королевское знамя – чуть ли не впервые за все время правления демон приказал выставить свой штандарт на всеобщее обозрение. Налетевший ветерок расправил тяжелые складки – на знамени красовался ворон, держащий в когтях меч. Ингви, сам придумавший эту эмблему, очень ею гордился – она представляла собой набор геральдических символов на нескольких смысловых уровнях. Ворон – символ мудрости, символ магии и всего загадочного, вместе с тем мог толковаться, как недвусмысленное предостережение врагу, темно-зеленый фон, заполнявший половину знамени, говорил о принадлежности знамени королю Альды (темно-зеленый – цвет Альдийских королей), алый цвет второй половины – о происхождении владельца (согласно геральдической традиции, красный – это цвет демонов). В целом, войско, вступающее в городские ворота, имело вид бравый и весьма внушительный.

Горожане – уже в который раз за время правления нынешнего короля – прекратили работу и теперь толпились у ворот и в боковых улочках. Вступая в город, воины заорали:

– Да здравствует король! Слава!

Крик подхватили специально затесавшиеся в толпу десятка два слуг из Альхеллы, предварительно проинструктированные Лордом-Хранителем, за ними – и вся толпа.

– Да здравствует король! Слава Альде! Слава королю! – нестройно гремело в переулках.

Криво ухмыляясь, король повел колонну на площадь. Там он, его свита и рыцари со своими латниками спешили. Гремя и позвякивая доспехами, под приветствия горожан вереница воинов двинулась в городской храм Гилфинга Светлого. Следом за латниками толпой двигались ополченцы, за ними – нестройная масса горожан. Войдя в храм, король отступил в сторону, пропуская вперед маршала Валента, за которым его латники несли трофеи – огромную секиру и обломки меча. Повернувшись в сторону алтаря Гилфинга-Воина и широко раскинув руки, маршал провозгласил:

– О Гилфинг Пресветлый, победитель врагов Мира! Мы, дети и слуги твои, приносим дары на твой алтарь! Дары сии добыты нами в бою – рискуя жизнью мы стяжали победу

и славу, повергнув неприятеля. Прими же эти трофеи, о Гилфинг-Воин! Будь милостив к чтящим тебя, одаряй и впредь наше оружие мощью, а наши знамена – славой!

– Да будет по слову твоему, отважный воин, принесший трофеи на алтарь Гилфинга-Воина, – откликнулся епископ, стоявший у алтаря.

По его знаку двое священников выступили вперед и с поклоном приняли дары у двух оруженосцев, также вышедших вперед по знаку своего сеньора. Затем они, непрестанно кланяясь, повернулись и обогнув с двух сторон алтарь, приблизились к стене, затянутой черной тканью и увешанной всевозможным оружием – и водрузили трофеи на заранее подготовленные места – над алтарем, выше прочих трофеев... При этом хор монахов, стоящий над главным алтарем Гилфинга-Отца, затянул негромко старинный гимн, славящий божество, все обнажили головы, в том числе и демон, с интересом разглядывавший на протяжении всей церемонии увешанную оружием стену. За алтарем было собрано, казалось, все, что только могло служить народам Мира для истребления друг друга – начиная древними копьями с бронзовыми наконечниками, насаженными на трухлявые древки и заканчивая тяжеленными молотами гномов, массивными палицами троллей и тонкими, изящными мечами эльфов.

Когда отзвучал гимн, епископ провозгласил:

– Славьтесь, воины-победители, избавившие Альду от последних нелюдей, что топтали ее!

И тут в торжественной тишине все услышали голос короля, негромко произнесшего:

– За исключением, пожалуй, меня...

Глава 16

Степь... Плоская серая степь... Серые пучки травы на серой земле... По степи движется на юг отряд во главе с королем Альды.

Далеко на севере остались холмы и перелески – теперь отряд идет по ровной, как стол, пустынной серой степи. Ничейные поля. Предвечернее низкое солнце освещает путников, заставляя их прищуривать правый глаз и отбрасывать влево гигантские бесформенные тени, пятнающие серую степь...

Впереди едут Ингви и Кендаг, лорд орков, за ними – эскорт из четырех вооруженных слуг, молчаливых угрюмых бородачей, выбранных сопровождать короля за умение как владеть оружием, так и держать язык за зубами. Слуги ведут в поводу шесть вьючных коней, замыкают кавалькаду шестеро орков Кендага, сражавшихся в его отряде и деливших со своим предводителем плен в Альде. Пешие орки движутся за всадниками, не отставая, мерной рысцой, взмахивая в такт руками. Поначалу эта их неумоимость удивляла короля Альды, но затем он привык и стал воспринимать это как должное, да и как иначе могли бы орки ходить пешими в походы на пограничные владения Империи, пересекая при этом огромные пространства Ничейных Полей. Неспроста старинная поговорка гласит: «Лови эльфа в лесу, орка – в степи, гнома – в пещере...» Дескать, ищи ветра в поле. Неумоимо передвигающиеся, одетые в серые одежды на сером фоне, орки и впрямь являются в степи опасной и трудной добычей...

– А далеко ли еще, Кендаг?

– Большую часть пути уже одолели, еще полдня такого движения – и мы увидим на горизонте Корону Ганагамара, Черную Скалу по-вашему... Конечно, верховая езда делает путь легче и приятней...

– Если так – то почему же вы, орки, не пользуетесь лошадьми?

– Видишь ли, король Ингви, ни один конь не подпустит к себе настоящего орка, тем более, не станет возить на себе.

– А ты?

– Я – не настоящий, во мне слишком много человеческой крови. Я ведь уже говорил тебе как-то, что я – по нашим меркам – уже довольно близок к образцу, данному нам нашим отцом – Ганагамаром Черным, вот конь и терпит меня... Когда-то, в незапамятные времена, были и у орков верховые животные – огромные волки. Как гласит легенда, эти звери были очень разумны и не просто носили на своей спине седоков – это было что-то вроде союза тех волков с нами. Говорят, что где-то далеко на северо-восток отсюда еще живут в диких чащах потомки этого племени и по сей день они возят орков – тех, что во время Великой войны не пошли за Сыном Ганагамара, а бежали в леса от власти наших королей и гнева наших врагов. У моего же народа эти звери вымерли от голода, когда объединенные силы наших врагов – гномов, эльфов и людей – осадили Корону... Тогда весь мой народ жил впроголодь, а уж прокормить гигантских волков в пещерах... – Кендаг задумчиво замолчал, вспоминая старинные предания...

Король также задумался, поглядывая на своего спутника – тот и впрямь заметно отличался от простых воинов-орков. Прежде Ингви не предавал этому факту особого значения, но теперь, после нескольких дней, проведенных рядом в пустынной степи, когда глазу не на чем задержаться, когда единственный способ скрасить долгий путь – бесконечные беседы... теперь он поневоле задумался о внешности Кендага. Лорд был гораздо выше ростом своих воинов, заметно шире в плечах, сложение его было более гармоничным, в отличие от угловатых тощих орков, то есть практически не отличалось от человеческого. Цвет кожи Кендага также был лишь слегка зеленоватым, при слабом освещении его можно было бы легко

принять за человека, к тому же человека довольно приятной наружности – его открытые, мужественные, хотя и несколько неправильные черты лица поневоле вызывали симпатию. В самом деле, человеческая кровь очень явно сказывалась на внешности молодого лорда орков...

Размышления короля были прерваны старшим из сопровождавших его слуг – тот, несмело приблизившись к предводителям отряда, предложил остановиться на ночь.

– Да, пожалуй, пора, – согласился король, глянув из-под ладони на низкое солнце, – ты согласен, лорд?..

* * *

Вечером Гельда-колдун прибыл во дворец, сопровождаемый учениками. В руках он держал сверток размером с человеческую голову, заботливо укутанный в несколько слоев плотной ткани. Гвардейцы, стоявшие в карауле у парадных ворот императорского дворца, проводили мага во двор, где передали его внутренней охране. Та, в свою очередь, доставила Гельду в покои, где ему надлежало ожидать приема у императора, учеников же вежливо, но непреклонно, препроводила в комнату, где им было указано сидеть и ждать Гельду – их император не приглашал. Прождал маг около часа и уже начал беспокоиться, не забыли ли о нем. Сначала он сидел, затем начал нервно прохаживаться по залу, рассматривая от нечего делать гобелены, которыми была увешана стена, при этом он ни на минуту не выпускал из рук сверток, постоянно прижимая его к себе и ощупывая. Сверток, видимо, был тяжел, но Гельда не рискнул расстаться со своей ношей...

Наконец в дверях появился пожилой слуга с канделябром в руке:

– Следуй за мной, маг. Император соизволит принять тебя.

Не глядя на колдуна, слуга повернулся и пошел по коридору, Гельда поспешил за ним, а за колдуном тут же пристроились два гвардейца – таков был порядок, заведенный в императорском дворце.

Приведя мага к кабинету, где находился император – у дверей также застыли на часах гвардейцы – слуга переложил канделябр в левую руку и негромко постучал. Не дожидаясь ответа, он – тоже негромко – сказал:

– Гельда-колдун к его императорскому величеству.

Дверь распахнулась, слуга посторонился – и маг шагнул в кабинет.

Император отложил толстенный фолиант, который читал перед этим и указал на стол перед собой:

– Итак, мастер Гельда, что там у вас за таинственный талисман?

Гельда внезапно заволновался – хотя перед этим он был совершенно спокоен – приблизился к освещенному столу и только тут заметил Гимелиуса, неподвижно сидевшего в темном углу. Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Гельда опустил свою ношу на стол и дрожащими от волнения руками принялся разматывать ткань. Закончив, он с поклоном отступил на полшага, продолжая нервно теребить тряпки, в которые был упакован его талисман.

На столе стоял странный предмет – половина сферы на изящной подставке. Плоская грань была прикрыта колпаком и обращена под углом вперед и вверх, задняя – округлая – покрыта еле заметными узорами, замысловато оплетавшими прибор, подставка украшена вычурными завитушками и загадочными символами.

Элевзиль около минуты с любопытством разглядывал талисман, затем спросил:

– И как называется этот... м-м-м... предмет?

– Сей магический амулет огромной силы носит название толленорн, ваше императорское величество.

– Не один ли это из толленорнов, украденных у моего предка Бонки-Изумруда, когда тот следовал через Альду? – впервые подал голос придворный маг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.